

Ю. И. МУРЗАХАНОВ

**СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ
У ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**

Ю. И. МУРЗАХАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ
У ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

МОСКВА 1994

ISBN 5-8497-0013-7

© Издательство «Чоро», 1994.

© Ю. И. Мурзаханов

ВВЕДЕНИЕ

Семья как важнейший социальный институт, обеспечивающий воспроизводство этноса (благодаря внутриэтническим бракам), передачу новому поколению социально-культурных ценностей, своеобразных традиций, норм поведения, языка и т. д., служит объектом исследования для представителей различных общественных наук — историков, этнографов, социологов, демографов, юристов, философов, психологов, экономистов и т. д. Особую актуальность приобретает изучение современной семьи, что диктуется разнообразными процессами этнокультурного развития народов нашей страны, пронизывающими все сферы общения людей и, как правило, наиболее интенсивно отражающимися на семейных обычаях и обрядах. С другой стороны, в силу своей значительной консервативности, семья остается носителем специфических этнических черт — благодаря существующей этнической памяти и передаче знаний от поколения к поколению¹. Эволюция форм семьи, соотношение традиций и инноваций в семейной обрядности (т. е. совокупности обрядов, связанных со значительными событиями в жизни семьи, таких как брак, свадьба, родины, детский и погребально-поминальный циклы), различные аспекты семейного этикета — все эти проблемы служат предметом пристального внимания этнографов в связи с решением ряда практических задач, стоящих перед обществом (отход от устаревших и неприемлемых архаических форм и символов поведения, и наоборот, сохранение некоторых положительных патриархальных традиций, «опривычивание» инноваций)².

Данная монография посвящена современной горско-еврейской семье Кабардино-Балкарии. Согласно документам, первые семьи горских евреев поселились в Нальчике в середине

20-х годов XIX века (миграция шла в основном из кумыкского селения Эндери и была следствием известных событий, связанных с начальным периодом Кавказской войны³), а в 1847 году командование Кавказской линии дало разрешение на образование горско-еврейского поселка (состоявшего из 72 дворов), в котором к этому времени проживало 245 человек (150 мужчин и 95 женщин)⁴. Горские евреи славились как искусные ремесленники, портные, сапожники, они занимались также мелкой торговлей, имели свою синагогу, училище⁵. Путешественники, посещавшие Нальчик еще в прошлом веке, отмечали, что горские евреи прекрасно владели кабардинским и балкарским языками, жили в дружбе и согласии со своими соседями — кабардинцами, балкарцами, русскими, представителями других национальностей. Когда в 80—90-е годы XIX века был принят ряд дискриминационных законов в отношении евреев, проживавших на территории Российской империи (в том числе и закон от 18 июня 1892 года «О водворении и временном пребывании евреев в областях Кубанской и Терской»), местная слободская администрация решительно выступила на стороне горских евреев; их юридическое положение оставалось неизменным, и они продолжали пользоваться всеми теми правами, которыми обладали горские народы Северного Кавказа. В конце 1930-х годов горско-еврейский поселок вошел в состав г. Нальчика. Во время оккупации Нальчика немцами было немало случаев, когда кабардинцы и балкарцы, рискуя своей жизнью, спасали от смерти десятки горско-еврейских семей.

По данным Всесоюзной переписи 1989 года, в Кабардино-Балкарии проживало 3178 горских евреев⁶, однако эти данные не могут считаться точными, так как многие горские евреи (в основном молодые люди, родившиеся в 60—70-е гг.) записывались при получении паспорта татами, а некоторые из них считали себя просто евреями (так и записано у них в паспортах). Нам известны семьи, в которых люди пожилого возраста записаны евреями, среднего — горскими евреями, а молодые люди — татами. Интересно в связи с этим проследить динамику численности горско-еврейского населения Кабардино-Балкарии (по данным трех последних всесоюзных переписей населения). Если в 1970 году было зарегистрировано 2546 горских евреев и 529 татов, то в 1979-м численность горских евреев сократилась более чем в 4 раза и составила 612 человек, и, напротив, численность татов возросла в 5 раз, составив 2560 человек. В эти же годы часть горских

евреев предпочитали записываться евреями вообще, о чем свидетельствуют и результаты переписей; так, в 1970 году было зарегистрировано 3029 евреев, в 1979-м — 3046, а в 1989-м произошло резкое снижение показателя численности еврейского населения, которая составила 1726 человек, что можно объяснить как значительным ростом эмиграции (особенно в последние годы), так и тем обстоятельством, что во второй половине 1980-х годов значительная часть нальчикской горско-еврейской молодежи при получении паспортов предпочитали указывать себя горскими евреями. Сопоставляя численность зарегистрированных переписью 1989 года татов и евреев (соответственно 1891 и 1726 чел.) с данными наших полевых этнографических материалов, можно констатировать, что в настоящее время в Кабардино-Балкарии проживают приблизительно 6 тыс. горских евреев, причем более 98% из них — в Нальчике⁷

Горские евреи как субэтнос (или этнографическая группа — территориальная часть этноса) обладает локальными специфическими чертами, как-то: самоназвание, разговорный язык, этническое самосознание, своеобразие материальной и духовной культуры. Исследуя нальчикскую горско-еврейскую семью, мы стремились, с одной стороны, показать формирование новых черт в их семейном быту, а с другой — рассмотреть традиционные, воспринятые как от местного автохтонного населения, так и типичные для еврейского этноса в целом (что особенно интересно, учитывая проживание горских евреев в условиях компактного иноэтничного окружения).

При исследовании горско-еврейской семьи Кабардино-Балкарии особое внимание было обращено на изучение структуры семьи — ее численного, поколенного и родственного состава, а также внутрисемейных отношений (глава I), семейно-брачной обрядности — формам брака, динамике брачного возраста, межнациональным бракам, разводам, свадебным и похоронным обрядам, а также обрядам, связанным с рождением и воспитанием ребенка (глава II). Такое расположение материала позволило нам проследить определенные культурно-бытовые процессы, вызвавшие трансформацию многих обычаев и обрядов семейного быта горских евреев.

Основным источником для написания работы явились полевые этнографические материалы, собранные нами в течение 1980—1992 годов в Нальчике; сведения, полученные от информаторов, составили значительную часть собранного материала (отметим, что информаторами выступали лица раз-

ного возраста, пола и социальных групп) Мы использовали вопросники по изучению семьи, составленные в 1973 году сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН В. К. Гардановым, Я. С. Смирновой и А. Е. Тер-Саркисянц, добавив в них ряд вопросов с учетом специфических черт горско-еврейской семьи, связанных, в частности, с воспитанием детей, со свадьбой, а также с похоронно-поминальными обрядами.

Сведения по численному, поколенному к родственному составу семей были получены нами при обработке статистических данных похозяйственных книг (результаты представлены в виде соответствующих таблиц). Нами были использованы также материалы отдела Архива загса КБР по числу зарегистрированных в разные годы браков, разводов, возрасту вступления в брак мужчин и женщин, разницы в брачном возрасте между супругами. Помимо полевого и архивного материалов, большим подспорьем в нашей работе стали исследования, посвященные изучению семьи и семейной обрядности народов бывшего Союза⁸.

Вопросы семьи и семейного быта горских евреев в той или иной мере освещали И. Я. Черный, И. Ш. Анисимов, А. Т. Васильев, М. Бежанов, С. Л. Авалиани, А. Н. Ракитников, а также ряд авторов, писавших на татском и иностранных языках, — И. Бениаминов, И. Шубаев, Н. Давыдов, А. Катц, Ж. Байе, А. Бихан и некоторые другие. Подавляющее большинство из перечисленных авторов описывали традиционную горско-еврейскую семью XIX века.

Наиболее ранним источником является статья И. Черного «Горские евреи», опубликованная в 1870 году. В ней автор наряду с вопросами этнической истории горских евреев, описанием многих компонентов их материальной культуры — жилища, одежды, пищи и т. д., подробно говорит о свадебных и похоронных обрядах, обычаях гостеприимства, о положении женщины в семье⁹.

В 1887 году в газете «Терские ведомости» был опубликован небольшой, но очень содержательный и разносторонний этнографический очерк «Несколько слов о горских евреях» (подписанный «Кто-нибудь»). Автор отмечает, что горские евреи имеют свои, отдельные от ашкеназов, синагоги; обращает внимание читателя на обычаи гостеприимства, кровной мести; кратко характеризует отдельные компоненты культуры жизнеобеспечения горских евреев (одежда, пища); сообщает любопытные сведения о положении женщины в семье;

весьма ценным представляется замечание автора о деспотической власти главы семьи (он первым из писавших о горских евреях обратил внимание на эту важную деталь местного обычного права). Подробно автор останавливается на обрядах свадебного и похоронного циклов¹⁰.

Выдающаяся роль в изучении этнографии горских евреев принадлежит первому горско-еврейскому этнографу И. Ш. Анисимову. В 1888 году он опубликовал свою монографию «Кавказские еврей-горцы», получившую широкое распространение¹¹. На основании собранного им обширного полевого этнографического материала Анисимов довольно подробно описывает различные стороны соционормативной культуры горских евреев, их материальную культуру (поселение, жилище, одежда, пища), пишет о народных преданиях, о пережитках политеизма в религиозных верованиях горских евреев, народных праздниках, обычаях гостеприимства, описывает семейные отношения, свадебно-брачный цикл, родины, детский и погребально-поминальный циклы и т. д.

Работа И. Ш. Анисимова представляет собой ценнейший источник по этнографии горских евреев.

В 1889 году в нескольких номерах «Терских ведомостей» был опубликован ряд этнографических очерков под общим названием «Горские евреи»; автором их был талантливый писатель и публицист А. Т. Васильев. Очерки подразделены автором на 9 небольших глав; в седьмой, восьмой и девятой главах описываются обычаи и обряды свадебного, детского и погребально-поминального циклов¹².

Основным способом заключения брака горских евреев, отмечает Васильев, был покупной брак, основанный на уплате родителями жениха определенного выкупа — калыма — семье невесты. Другим способом заключения брака был брак путем похищения (умыкание). Автор подчеркивает, что само умыкание имело у горских евреев две формы: насильственное похищение (против воли девушки) и похищение с согласия девушки, но вопреки воле ее родителей (т. е. уводом); впрочем, автор оговаривает, что случаи «насильственного увода девушек редки».

В 1890 году в журнале «Этнографическое обозрение» была напечатана известная статья Л. В. Малинина «О свадебных платежах и о приданом у кавказских горцев», в которой автор приводит некоторые сведения о предсвадебном и свадебном цикле у горских евреев¹³.

Одной из самых заметных публикаций конца XIX — на-

чала XX века, посвященных горским евреям, стала статья смотрителя варташенского училища М. Бежанова «Евреи в с. Варташен», опубликованная в восемнадцатом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (1894 г.)¹⁴. По свидетельству автора, у варташенских горских евреев браки часто заключались по взаимному соглашению самих молодых. «Если девочка маленькая, то на предложение родителей жениха отвечает отец девочки. Если девушка взрослая, то спрашивают ее согласия, не принуждая, и она сама берет обручальное кольцо, — подчеркивает автор и продолжает: — Еврейские девушки не закрываются и не скрываются, а потому и юноши сами могут выбирать себе невесту». Впрочем, указывает далее Бежанов, в подавляющем большинстве случаев будущих супругов обручали еще в младенческом возрасте. Автор также подробно описывает ряд обязательных обрядовых элементов свадебного цикла (купание как жениха, так и невесты, символизировавшее очищение перед свадьбой; обряд «наложения хны», обряд «бритья жениха», венчание, перевоз невесты в дом жениха и т. д.). Бежанов указывает, что среди горских евреев широко было распространено многоженство, а точнее, двоеженство; по его подсчетам, в Варташене почти тридцать мужчин были двоеженцами.

Известный антрополог П. Ф. Свидерский в своей докторской диссертации «Материалы для антропологии Кавказа. Кумыки» (изд. 1898 г.), приводит интересные этнографические данные о горских евреях, проживавших в аулах Янгикент и Маджалис¹⁵. Весьма любопытно его сообщение об одном интересном обычае предсвадебного цикла горских евреев, получившем крайне скудное освещение в этнографической литературе, — проживании малолетней невесты в доме жениха в течение одного-двух, а иногда и более лет; после того как невеста достигала брачного возраста, устраивалась свадьба, и молодые становились фактическими мужем и женой. По словам автора, ему «приходилось видеть подобные пары; один из подобных женихов, мальчик 12 лет, с гордостью показывал мне свою формальную «жену», как он ее называл, девочку 10 лет; последняя уже год проживала вместе с будущим мужем в доме родителей жениха. В таких браках невеста имеет возможность познакомиться с характером своего будущего мужа и с жизнью в его доме, а также принести в виде, хотя и небольшой, рабочей силы известную долю материальной пользы в свой будущий дом».

Несомненный этнографический интерес представляет очерк Г. Леви о кубинских горских евреях, напечатанный в русско-еврейском еженедельнике «Восход» (1901 г.)¹⁶. Касаясь вопросов свадебно-брачной обрядности горских евреев, автор пишет: «Дочерей своих горские евреи выдают очень рано замуж, 13—14 лет, причем сплошь и рядом за 30—35-летнего мужчину, почему весьма нередки и разводы». Интересно указание автора на то, что горские евреи не придерживались «Херем де рабби Гершом» и среди них было распространено многоженство (как известно, знаменитый талмудист средневековой Германии Гершом бен Иегуда еще в XI в. наложил запрет на многоженство).

В русско-еврейской газете «Рассвет» (окт. 1908 г.) была напечатана статья некоего автора, скрывшегося под весьма выразительным псевдонимом «Ното», — «Среди горских евреев»¹⁷. Статья содержит интересные сведения о различных сторонах жизни и быта дербентских горских евреев. Автор подробно описывает положение горско-еврейской женщины. По его словам, девочку уже с самого рождения презирают отец и братья за то, что она имела несчастье родиться девочкой. В соответствии с нормами традиционного обычного права дочь беспрекословно подчинялась воле отца и старших братьев; ее главной обязанностью было выполнение домашних дел. «Для того чтобы они не сошли с пути истинного, — замечает автор, — их на 10-м, 11-м году выдают замуж (в настоящее время выдают замуж 14- или 15-летних) Это делается очень просто: отец жениха и отец невесты сходятся, улаиваются, выпивают водку, закусывают орехами, и участь четырнадцатилетней дочери решена. Она выходит из-под опеки отца и входит под опеку 15—16-летнего мужа, который делается господином желаний, стремлений и воли своей жены».

Ценный фактический материал по интересующему нас вопросу содержится в небольшой брошюре известного ученого-кавказоведа С. Л. Авалиани «Кавказские евреи (Нравы и быт)»¹⁸.

Интересные сведения о семье и семейном быте горских евреев сообщает в своей книге «Глиняный квартал» (изд. 1931 г.) известный писатель и журналист А. Н. Ракитников¹⁹.

Характерной чертой существующей этнографической литературы на иностранных языках о горских евреях (весьма, кстати, немногочисленной), изданной в конце XIX — 30-е годы XX века, является ее компилятивность (особенно интен-

сивно «авторы» использовали работы И. Ш. Анисимова, А. Т. Васильева, М. Бежанова). Можно выделить несколько оригинальных сочинений, авторы которых либо непосредственно наблюдали горских евреев, путешествуя по местам их компактного проживания, либо, пользуясь известными литературными источниками, вводили в научный оборот новые материалы, в связи с чем их сочинения имеют определенную научную ценность. Так, интересные сведения о внутрисемейных отношениях горских евреев, их брачно-свадебной обрядности и т. д. содержат работы А. Катца «Евреи на Кавказе» (1894), Ж. Байе «Евреи горские и евреи грузинские» (1902), статья Я. Янко «Описание этнографической коллекции», в которой содержится небольшая глава «Евреи горские», напечатанная в первом томе известного сочинения Е. Зихи «Путешествие по Кавказу и в центральную Азию» (1897), глава о горских евреях в знаменитой монографии А. Бихана «Кавказская цивилизация» (1936)²⁰ и др.

В первой половине 1930-х годов было опубликовано несколько небольших работ на татском языке, в которых содержится интересный фактический материал о семье и семейном быте горских евреев, прежде всего о положении горско-еврейской женщины: «О религии горских евреев» И. Бениаминова (1931), «Горско-еврейская женщина в СССР» И. Шубаева (1931), «Судьба женщины-горянки» Н. Давыдова (1933)²¹ и т. д.

Специальное этнографическое изучение горско-еврейской семьи началось в конце 1940-х годов и связано с именем дагестанского этнографа М. М. Ихилова, защитившего в 1949 году кандидатскую диссертацию на тему «Горские евреи (Опыт монографического исследования)»²². В ней, наряду с вопросами этногенеза и этнической истории, культуры жизнеобеспечения, соционормативной культуры, автор охарактеризовал семейно-брачную обрядность горских евреев. Все последующие работы М. М. Ихилова, в которых затрагиваются интересующие нас проблемы (статья «Большая семья и патронимия у горских евреев»²³, очерки под названием «Горские евреи» в сборниках «Народы Дагестана» и «Народы Кавказа»²⁴), являлись, по существу, извлечениями из его кандидатской диссертации. Некоторые вопросы семейно-брачной обрядности горских евреев (положение женщины в семье и обществе, семейные отношения и т. д.) рассматриваются в работах Л. Х. Авшалумовой²⁵. Оба автора писали свои научные труды на дагестанском материале. Нальчикские же гор-

ские евреи никогда не становились предметом специального этнографического исследования. Следует отметить, что вообще о северокавказских — нальчикских и грозненских — горских евреях в литературе сохранилось чрезвычайно мало сведений.

Отдельная глава в «Истории евреев на Кавказе» И. Давида (Тель-Авив, 1990) посвящена брачно-свадебной обрядности горских евреев (автор обильно цитирует имеющиеся в его распоряжении литературные источники, не пытаясь добавить ничего нового к уже известным фактам²⁶).

Таким образом, нами впервые предпринята попытка исследовать современную горско-еврейскую семью Кабардино-Балкарии, выявить изменения, происходящие в ней под воздействием социально-экономических, культурных и других факторов, показать процесс возникновения новых социальных норм, регулирующих и регламентирующих различные аспекты жизни данной этнической группы, в том числе и в области семейно-брачных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. С. 119, 253.

² *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М.: Наука, 1983. С. 251—257.

³ *Черный И. Я.* Горские евреи Терской области//Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 309—314.

⁴ ЦГА КРБ, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 2, л. 12.

⁵ *Белокопский И. П.* На высотах Кавказа//Вестник Европы СПб., 1903, кн. 6, с. 681; *Беркут.* Слобода Нальчик//Казбек. Владикавказ, 1896, 2 янв., № 6.

⁶ Евреи горские//Этнографический словарь, под ред. М. Н. Губогло и Ю. Б. Симченко. Союз. М. 1990, № 29, с. 19.

⁷ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения Кабардино-Балкарской АССР. Т. II. Нальчик, 1990. С. 3.

⁸ См. напр., *Аббасова М. О.* Семейные обряды лезгин Азербайджана (конец XIX—XX в.). Автореферат канд. дисс. М., 1989. 21 с.; *Амитин-Шапиро З. Л.* Женщина и свадебные обряды у туземных (бухарских) евреев Туркестана// Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. Ташкент, 1925. Т. XVII, с. 186—196; *Басаева К. Д.* Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX—начало XX века. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 193 с. Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. Махачкала: Ин-т ист., яз. и лит. им. Г. Цадасы. 1988. 188 с. Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX—нач. XX в. Махачкала: Ин-т ист., яз. и лит. им. Г. Цадасы. 1986. 142 с.; *Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н.* Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М.: Наука. 1982. 240 с.; *Гаджиева С. Ш.*

Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1985. 359 с.; *Она же*. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1967. 104 с.; *Евстигнеев Ю. А.* Современные этнические процессы в Северном Казахстане (В аспекте динамики межнациональных браков). Автореферат канд. дисс., Л., 1977. 25 с.; *Ишанкулов Х.* Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время (конец XIX — начало XX в.). Душанбе: Дониш, 1972. 121 с.; *Керейтов Р. Х.* Семья и брак у кубанских ногайцев в прошлом и настоящем. Автореферат канд. дисс. М., 1973. 23 с.; *Коджесау Э. Л.* Семейные отношения шапсугов в прошлом и настоящем. Автореферат канд. дисс. М., 1954. 14 с.; *Кисляков Н. А.* Семья и брак у таджиков. По материалам конца XIX — начала XX в. М.—Л.: изд-во Акад. наук, 1959. 269 с.; *Критска-Иванова Е. Ф.* Свадебный обряд и свадебный фольклор донских казаков. Автореферат канд. дисс. Л., 1978. с.; *Кудаев М. Ч.* Карачаево-балкарский свадебный обряд. Нальчик: Эльбрус, 1988. 128 с.; *Куроголо А. С.* Семейная обрядность гагаузов в XIX — начале XX в. Кишинев: Штинца, 1980. 138 с.; *Меретуков М. А.* Семья и брак у адыгских народов (XIX—70-е гг. XX в.). Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, 1987. 366 с.; *Плесовский Ф. В.* Свадьба народа коми. Обряды и причитания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 320 с.; Семейные обряды мордвы (Традиции и инновации). Саранск: Морд. кн. изд-во, 1984. 127 с.; *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М.: Наука, 1983. 264 с.; *Сушанло М. Я.* Семья и семейный быт дунган. Фрунзе: Илим. 1979. 60 с.; *Тер-Саркисянц А. Е.* Современная семья у армян. По материалам сельских районов Армянской ССР. М.: Наука, 1972. 207 с.; *Харевов Б. К.* Семья и брак в Южной Осетии. Цхинвали: Ирыстон, 1986. 53 с.; *Христолюбова Л. С.* Семейные обряды удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1984. 128 с. и т. д.

⁹ *Черный И. Я.* Горские евреи//Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 3. отд. 1. С. 1—44.

¹⁰ *Кто-нибудь*. Несколько слов о горских евреях// Терские ведомости. Владикавказ, 1887, 12 апр. № 30.

¹¹ *Анисимов И. Ш.* Кавказские евреи-горцы//Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. III. С. 171—322; отд. изд.—М.: тип. Е. Г. Потапова, 1888. 152 с.

¹² *Васильев А. Т.* Горские евреи//Новое обозрение. Тифлис, 1889, 19 янв., № 1752; 29 июня, № 1903; 4 июля, № 1907; 28 июля, № 1930; 1 авг., № 1934; 4 авг., № 1937; 15 авг., № 1948; 19 авг., № 1951.

¹³ *Малинин Л. Н.* О свадебных платежах и о приданом у кавказских горцев//Этнографическое обозрение. М., 1890. Кн. VI, № 3, С. 21—61.

¹⁴ *Б.жанов М.* Евреи в с. Варташен (Елисаветпольская губерния, Нухинский уезд)//Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1884. Вып. XVIII, отд. 3. С. 111—127

¹⁵ *Свидерский П. Ф.* Материалы для антропологии Кавказа.—Кумыки. СПб., типо-литография М. Я. Минкова, 1898. С. 28—60.

¹⁶ *Леви Г.* Быт и нравы кубинских горских евреев//Восход. СПб., 1901, 9 авг. № 46, с. 21—22.

¹⁷ *Ното*. Среди горских евреев//Рассвет. СПб., 1908, 26 окт., № 41, с. 18—20.

¹⁸ *Авалиани С.* Кавказские евреи (Нравы и быт). Одесса: тип. Наума Гальперина, 1914. 9 с.

¹⁹ *Ракитников А. Н.* Глиняный квартал. Л.—М. Гос. изд. худ. лит-ры, 1931. 253 с.

²⁰ *Katz A.* Die Juden im Kaukasus. Berlin, 1894, 27 S.; *Baye J.*, le baron de. Les juifs des montagnes et les juifs georgiens. Souvenir d'une mission. Paris, Nilsson, 1902, 36 p.; *Jankó Jean.* Description de la collection ethnographique//*Zichu Eugène*, le comte. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. Budapest, Gustave Ransuhburg librerie éditeur, 1897, v. 1, p. 81—92; *Byhan A.* La civilisation Caucasienne. Paris, Payot, 1936, p. 229—240.

²¹ *Beniaminov I.* Eri meseb çuhurun-dogi (tatho). M., Tsentrizdat, 1931, 52 с. *Suba v I.* Delinehoj çuhugun-dogi e SSSR. M., Tsentrizdat, 1931, 24 с. *Davidov N. M.* Din dono ve zen degi. M., GAIZ, 1933, 41 е.

²² *Ихилон М. М.* Горские евреи (Опыт монографического исследования). Автореферат канд. дисс. М., 1949. 13 с.; *Он же.* Горские евреи (Опыт монографического исследования)//Краткие сообщения Института этнографии. М.—Л. Наука, 1950. Т. XI. С. 97—99.

²³ *Ихилон М. М.* Большая семья и патронимия у горских евреев//Советская этнография. М., 1950, № 1, с. 188—192.

²⁴ *Ихилон М. М.* Горские евреи//Народы Дагестана. М., изд-во АН СССР, 1955. С. 226—240; *Он же.* Горские евреи//Народы Кавказа. М. изд-во Акад. наук СССР, 1960. Т. I. С. 554—561.

²⁵ *Авшалумова Л. Х.* Именем бога Яхве. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1967. 62 с. *Она же.* Иуданзм и женщина. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1977. 64 с.; *Она же.* Критика нуданзма и сионизма. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986. 173 с.; *Она же.* Реакционная сущность сионистской идеологии. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1982. 96 с.

²⁶ *Давид Ицхак.* История евреев на Кавказе. Тель-Авив: Кавкасиони, 1990. Т. I. С. 579—677.

Глава I

СТРУКТУРА СЕМЬИ

§ 1. Численный и поколенный состав

Одним из важных показателей структуры семьи является ее численный состав. Подавляющее большинство среди обследованных нами 947 нальчикских горско-еврейских семей (данные 1991—92 гг.), как видно из табл. 1, составляют семьи численностью в 4—5 человек (48,7%) — это либо супружеская пара, имеющая 2—3 детей, либо также супружеская пара, имеющая 1—2 детей, но с которой проживает один или оба родителя одного из супругов (чаще мужа). Сравнительно велик процент семей численностью в 6—7 человек (22,1%). Малочисленные семьи из 2—3 человек (23,8%) — это, как правило, молодая супружеская пара, имеющая одного ребенка, либо пожилые супруги — пенсионеры, живущие или одни, или с кем-либо из своих родственников. Интересно, что среди одиночек (0,5%) чаще встречаются мужчины, чем женщины. Наиболее многочисленные семьи, состоящие из 8 и более человек (4,9%), представляют собой чаще всего трехпоколенные семьи (полные или неполные), и гораздо меньше — двух- и четырехпоколенные. Так, нами зафиксирована двухпоколенная семья, представляющая собой супругов 1950 и 1954 г. рожд., имеющих восьмерых детей — четверых мальчиков (1979, 1981, 1985, 1986 гг. рожд.) и четырех девочек (1978, 1982, 1984, 1987 гг. рожд.). Одна из исследуемых нами четырехпоколенных семей состояла из супружеской пары, трех их дочерей, две из которых были замужем и имели своих детей, а также престарелой матери (1903 г. рожд.) главы семьи.

Таблица 1*

**Распределение семей по численности
(1991—92 гг.)**

Состав семьи, чел.	Число семей	%
Одиночки	5	0.5
2—3	226	23.9
4—5	461	48.7
6—7	213	22.7
8 и более	42	4.4
Всего семей	947	100.0

* Таблица составлена по данным похозяйственных книг жилищно-эксплуатационного управления Октябрьского р-на г. Нальчика.

Таблица 2*

Распределение семей по численности (1866 г.)

Состав семьи, чел.	Число семей	%
2—3	9	18.9
4—5	25	33.8
6—7	21	28.4
8 и более	9	18.9
Всего семей	74	100.0

* Таблица составлена по «Посемейному списку горским евреям, проживающим в слободке при укр. Нальчик» (1866) (ЦГА СОССР, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 769, лл. 41—65, 66—85).

Для того чтобы проследить изменения, происшедшие в численном составе нальчикской горско-еврейской семьи на протяжении последних десятилетий, следует уточнить, какова была ее численность в прошлом. С этой целью был проанализирован имеющийся в нашем распоряжении ценный архивный источник под названием «Посемейный список горским евреям, проживающим в слободке при укр. Нальчик», составленный на 1 января 1866 г. и включающий данные

по 74 семьям¹. В документе указывается имя, фамилия и возраст главы семьи, а также имена других членов семьи (если сыновья женаты, то приводятся данные об их женах и детях, если таковые имелись, и т. д.) с указанием возраста каждого. Помимо этого, фиксировались время поселения семьи в Нальчике, характер недвижимого имущества, принадлежавшего каждой семье, а также его денежный эквивалент в рублях; род занятий главы семьи и в какую сумму оценивается этот вид деятельности (нальчикские горские евреи в основном занимались мелкой торговлей, кожевенным делом и мареноводством). Из списка мы узнаем, что каждая семья имела небольшой участок земли, временно пользуясь им для выгона скота и занимаясь возделыванием красящей марены.

Полученные данные (табл. 2) свидетельствуют о значительном распространении в то время многочисленных семей (так, семья главы Исмаила Шамилова состояла из 20 человек, Раба Симахова — из 15 человек, Иргана Исупова — из 14 человек и т. д.); почти половина из них (47,3%) — семьи в 6 и более человек; семей в 6—7 человек зафиксировано 28,4%, а в 8—9 человек — 12,1%; 6,8% от общего числа семей включали в себя 10 и более человек. Большинство из наиболее многочисленных семей представляли собой неразделенные семьи, в которых совместно проживали родственники по восходящей, нисходящей и боковой линиям. Характерно полное отсутствие одиночек, довольно малочисленны семьи в 2—3 человека (18,9%). Средняя численность семьи составляла 5,8 человек.

В конце XIX — начале XX века, судя по имеющимся у нас статистическим данным и сообщениям наших информаторов, среди нальчикских горских евреев были широко распространены многочисленные семьи (так, в 1900 г в Нальчике проживал 1181 горский еврей — 598 муж. и 583 жен., сам горско-еврейский посёлок состоял из 132 дворов; таким образом, средняя численность семьи составляла 8,9 человек²).

Гражданская война и связанные с нею трагические события (известно, что в Нальчике была сформирована горско-еврейская кавалерийская бригада под руководством Н. Ф. Гикало³, понесшая огромные потери; многие горско-еврейские общины Северного Кавказа подверглись разграблению и уничтожению, вследствие чего в начале 1920-х гг. десятки горско-еврейских семей вынуждены были эмигри-

ровать в Палестину) привели к значительному уменьшению средней численности нальчикских горско-еврейских семей (так, Всесоюзная перепись 1926 г. зафиксировала, что в Кабардино-Балкарии проживало 1473 горских евреев, из них в Нальчике — 1458 чел. 710 муж. и 748 жен.⁴; судя по нашим полевым материалам, а также по некоторым косвенным данным, средняя численность семьи составляла приблизительно 7—7,5 чел.). Во второй половине 1920—30-х гг. происходит некоторое увеличение средней численности семей (по данным Всесоюзной переписи 1939 г. в Кабардино-Балкарии проживало 3,4 тыс. евреев вообще, из них около 3 тыс. — горских евреев⁵), а в годы войны происходит ее значительное сокращение, вызванное некоторыми объективными факторами: уходом взрослого мужского населения на фронт, отъездом части населения в глубь страны (Азербайджан, Средняя Азия и т. д.); в то же время наблюдалось и некоторое увеличение средней численности семей, т. к. часть семей объединилась в большие семейные коллективы по родственному признаку для совместного ведения хозяйства.

В послевоенные и 1950-е годы происходит резкое увеличение средней численности нальчикской горско-еврейской семьи, главным образом в связи с переходом к мирной жизни и возвращением фронтовиков, а также беженцев в места постоянного проживания; росту численности семьи способствовало, помимо этого, и увеличение деторождаемости (к 1959 г., как свидетельствуют данные Всесоюзной переписи, численность нальчикских горских евреев достигла своего довоенного уровня; в Кабардино-Балкарии было зарегистрировано 3,5 тыс. евреев вообще, из которых около 3 тыс. являлись горскими евреями⁶).

В последующие годы средняя численность семьи падает и неуклонно снижается. Причины этого явления разнообразны: распад неразделенных семей; некоторые молодые супруги покидают пределы горско-еврейского квартала (известного в Нальчике как «горско-еврейская колония») и поселяются в самом городе; на 1970-е годы приходится первая волна эмиграции в Израиль; в 1980-е годы, как и в целом по бывшему Союзу, происходит падение рождаемости (имеющиеся в нашем распоряжении данные по динамике рождаемости в Нальчике в 1980-е гг. — табл. 3 — в общих чертах соответствуют динамике рождаемости горско-еврейских детей в эти же годы: относительная стабилизация числа но-

**Динамика рождаемости в г. Нальчике
в 1980-е гг.**

Год	Число новорожденных
1980	3764
1981	3536
1982	3509
1983	3813
1984	3724
1985	3787
1986	3930
1987	4101
1988	4033
1989	3420

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

вoroжденных в первой половине десятилетия, небольшой рост во второй его половине и резкое падение показателя в самом конце 1980-х гг.: так, в 1988 г. родилось 4033 ребенка, а в 1989-м — 3420, т. е. падение абсолютного числа новорожденных составляет 15,2%) и т. д.

Табл. 4 характеризует распределение 947 семей нальчикских горских евреев по их поколенному составу. Самую значительную группу, как свидетельствуют наши материалы, составляют семьи из трех поколений (58,9%), которые включают в себя супружескую пару (иногда одного из супругов — овдовевшего), их женатого сына и внуков; реже — обоих родителей, их обычно одного женатого сына и неженатых (незамужних) детей, внуков (сложная полная трехпоколенная семья). Однопоколенные семьи (3,2%) представляют собой одиноких стариков родителей, дети которых живут отдельно, или же бездетных супругов. Довольно много двухпоколенных семей (36,3%) — в подавляющем большинстве это семьи из родителей и их неженатых детей. Нами

Таблица 4*

**Распределение семей по поколенному составу
(1991—92 гг.)**

Состав семьи	Число семей	%
Однопоколенные	31	3,3
Двухпоколенные	347	36,3
Трехпоколенные	553	58,4
Четырехпоколенные	16	1,7
Всего семей	947	100,0

* Таблица составлена по данным похозяйственных книг жилищно-эксплуатационного управления Октябрьского р-на г. Нальчика.

Таблица 5*

Распределение семей по поколенному составу (1866 г.)

Состав семьи	Число семей	%
Однопоколенные	4	5,4
Двухпоколенные	50	67,6
Трехпоколенные	20	27,0
Всего семей	74	100,0

* Таблица составлена по «Посемейному списку горским евреям, проживающим в слободке при укр. Нальчик» (1866) (ЦГА СОССР, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 769, лл. 41—65, 66—85).

зафиксировано также незначительное количество двухпоколенных семей, состоявших из представителей старшего поколения (либо одного из них) и их внуков — в таких семьях дети старшего поколения живут вне пределов горско-еврейского квартала. Данный вид двухпоколенной семьи наиболее часто встречается в межнациональных семьях. Семьи с четырьмя поколениями составляют незначительный процент от общего числа зафиксированных нами семей (1,6%). В подавляющем большинстве случаев представителем старшего (первого) поколения в таких семьях является женщина

(«келезэн» — старшая женщина). Так, в одной из обследованных семей совместно проживают супруги, двое сыновей, сноха (жена старшего сына), внук, внучка и мать жены главы семьи; в другой — супруги, двое детей (женатый сын и замужняя дочь), двое внуков, внучка и мать главы семьи.

Рассмотрим динамику поколенного состава семей нальчикских горских евреев. По данным «Посемейного списка.», в 1866 году (табл. 5) в горско-еврейском поселке преобладающими были двухпоколенные семьи (67,6%). Значительный процент составляли трехпоколенные семьи (27%); доля однопоколенных семей была невелика (5,4%); четырехпоколенные отсутствуют вовсе.

Большие неразделенные семьи у горских евреев (в подавляющем большинстве отцовского типа) сохранялись в пережиточной форме вплоть до 1950-х годов. Наши полевые материалы свидетельствуют о том, что в 1960-х — первой половине 1980-х годов доля трехпоколенных семей была гораздо выше. Во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов, после того как облегчилась процедура эмиграции (эмигрируют нальчикские горские евреи в основном в Израиль и США) и в связи с этим возрос отъезд на постоянное место жительства за границу, многие семьи (не только трехпоколенные, но и четырехпоколенные) стали распадаться; более мобильными, естественно, оказываются представители молодого и среднего поколения, которые и уезжают в первую очередь, а затем, обустроившись на новом месте, вызывают к себе своих старших родственников.

§ 2. Родственный состав

Помимо анализа численного и поколенного состава нальчикских горско-еврейских семей нами был обработан также статистический материал по такому важному показателю структуры семьи, каким является ее родственный состав.

Этнографы различают два основных типа семьи. Первый тип — малая семья, которая бывает простой (нуклеарной) и состоит из супружеской пары с не вступившими в брак детьми либо без детей; если же в малую семью входит также какой-нибудь другой родственник (один из родителей мужа, жены, племянник и т. д.), ее называют сложной малой семьей. Второй тип — большая семья, состоящая из нескольких супружеских пар и их детей.

Большие семьи у горских евреев, как и у других северокавказских народов, представляли собой патрилокальные родственные и хозяйственные коллективы, которые состояли из ближайших родственников двух, трех, а иногда и четырех поколений по нисходящей и боковым линиям, характеризовались коллективной собственностью, общим производством и потреблением. Для обозначения большой семьи у горских евреев М. М. Ихиллов (1950 г.) предложил термин «келекифлет»⁷ («келе» — большая, «кифлет» — семья). Среди самих горских евреев какой-либо определенный термин для обозначения большой семьи не употребляется.

Как видно из табл. 6, наиболее распространенными по родственному составу в середине XIX века являлись семьи, в которых жили родители с неженатыми (незамужними) детьми (47,3%). Наименее часто встречающимися были семьи, которые представляли собой либо супружескую пару с женатыми и неженатыми детьми и одним из родителей мужа (1,4%), либо родителей с женатыми детьми (2,7%). Незначительна в целом была и доля семей, состоявших из супружеской пары (5,4%). Сравнительно велик был удельный вес сложных полных трехпоколенных семей, включавших обоих родителей, их обычно одного женатого сына и неженатых (незамужних) детей, внуков (16,2%). Во всех случаях усложненной малой семьи, состоявшей из супружеской пары с неженатыми (незамужними) детьми и одного из родителей мужа (8,1%), им была мать главы семьи.

Не всегда мать (чаще вдова), проживавшая с неженатыми (незамужними) и женатыми детьми (доля таких семей — 6,7%), являлась главой семьи. Так, например, вместе с Турунш Раханаевой (70 лет) проживали ее сыновья Израил (25 лет) и Миши (20 лет); главой семьи являлся Израил. Здесь надо отметить следующее: если дети были уже взрослые, то один из них (старший сын) юридически считался главой семьи, хотя основным распорядителем всей хозяйственной деятельности семьи, как свидетельствуют наши полевые материалы, являлась мать.

К данной группе семей (которые, как правило, являются двухпоколенными) нами отнесена и одна неполная трехпоколенная семья: вдова Арухан Устарханова, 32-х лет, имевшая шестерых детей (троих мальчиков и трех девочек), была главой семьи, хотя и проживала со своей матерью Ханой (70 лет).

После смерти главы семьи («бебе» — отца) большая патриархальная семья зачастую распадалась, хотя старший сын («келен кук») старался удержать «келекифлет» от распада. После раздела большой семьи каждый из братьев получал свою долю общего имущества и обособлялся. Общий двор разгораживался на несколько частей (по числу братьев); иногда кто-либо из братьев покупал себе свободный участок земли и строился на новом месте.

Т а б л и ц а 6*

Распределение семей по родственному составу (1866 г.)

Родственный состав сем	Число семей	%
Супружеская пара	4	5,4
Родители с неженатыми (незамужними) детьми	35	47,3
Родители с женатыми детьми	2	2,7
Супружеская пара с неженатыми (незамужними) детьми и одним из родителей мужа	6	8,1
Супружеская пара с женатыми и неженатыми (незамужними) детьми и внуками	12	16,2
Мать с неженатыми (незамужними) и женатыми детьми	5	6,7
Женатые братья с детьми	3	4,1
Супружеская пара с женатыми и неженатыми детьми и одним из родителей мужа	1	1,4
Женатые (с детьми) и неженатые братья с другими родственниками	6	8,1
Всего семей	74	100,0

* Таблица составлена по «Посемейному списку горским евреям, проживающим в слободке при укр. Нальчик» (1866) (ЦГА СОСССР, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 769, лл. 41—65, 66—85).

«Все происшедшие от раздела одной семьи дочерние семьи, — пишет известный ученый-кавказовед М. О. Косвен, — сохраняли между собой связь и образовывали патронимию». Он характеризует ее как «группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации од-

ной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование»⁸. Патронимия у горских евреев называется «хуней бирори» (братские дома)⁹

«Посемейным списком...» зафиксировано несколько семей, в которых вместе проживали родные братья. Процент семей, состоявших из женатых братьев с детьми (4,1⁰₀), вдвое меньший, чем процент семей, состоявших из женатых (с детьми) и неженатых братьев с другими родственниками (8,1⁰₀). В таких семьях с сыновьями чаще всего проживала мать-вдова. Так, семья Карабатыра Мурзаханова (27 лет, глава семьи) состояла из его жены Батии (22 года) и пятимесячного сына Мардахая, а также братьев Гершима (12 лет) и Донко (8 лет); вместе с ними проживала их мать Балгуз (45 лет); семья Измаила Мусаева состояла из его жены, двоих детей, двоих неженатых братьев и матери Шекер (72 года) и т. д. Вместе с тем, анализируя данный архивный документ, можно констатировать наличие некоторых патронимических коллективов, образованных братьями Раханаевыми, Мардахаевыми и др.

Наши полевые материалы свидетельствуют о том, что в 1920—1930-е годы на территории нальчикского горско-еврейского поселка также четко прослеживалось наличие целого ряда патронимических кварталов (патронимии Пинхасовых, Ашуровых, Шабаевых, Ифраимовых и т. д.).

Табл. 7 характеризует распределение современных нальчикских горско-еврейских семей по их родственному составу. Преобладающими являются сложные полные трехпоколенные семьи, включающие обоих родителей, их женатых детей, внуков (37,8⁰₀); значительна доля семей, включающих родителей и их неженатых (незамужних) детей (29,6⁰₀). Среди самых распространенных являются также семьи, в которых совместно проживают родители, их женатые и неженатые дети, внуки (15,2⁰₀). Семьи, состоящие из супружеской пары с детьми или без детей и одного из родителей мужа (чаще матери-вдовы), встречаются достаточно редко (4,3⁰₀). Незначительна доля собственно супружеских пар (3,2⁰₀), а также семей, в которых совместно проживают родители с женатыми детьми (2,5⁰₀). В неполных двухпоколенных семьях, включающих кого-либо из родителей и неженатых детей (2,2⁰₀),

**Распределение семей по родственному составу
(1991—92 г.)**

Родственный состав семьи	Число семей	%
Супружеская пара	30	3,2
Родители с неженатыми (незамужними) детьми	280	29,6
Родители с женатыми детьми	24	2,5
Супружеская пара с детьми (или без) и одним из родителей мужа или жены	41	4,3
Родители и их женатые дети, внуки	358	37,8
Родители, их женатые и неженатые дети, внуки	144	15,2
Мать (отец) с неженатыми детьми	21	2,2
Мать (отец), женатые и неженатые дети, внуки	32	3,4
Прочие	17	1,8
Всего семей	947	100,0

* Таблица составлена по данным хозяйственных книг жилищно-эксплуатационного управления Октябрьского р-на г. Нальчика.

в подавляющем большинстве случаев проживает мать (как правило, разведенная). Чаше встречаются семьи, в которых с кем-либо из родителей (отцом или матерью) проживают его (ее) женатые дети, внуки (3,4%); и здесь больше распространены семьи, где представителем старшего поколения является «келезэн» (старшая женщина).

Интересно отметить, что в настоящее время (в отличие от прошлого) встречаются отдельные случаи уксорилокального брачного поселения. Население традиционно отрицательно относится к примачеству, называя мужей, проживающих у родителей жены, «шувэр хуне» (буквально «домашний муж»).

В графу «Прочие» (1,8%) попали семьи самого разного родственного состава, включающие близких (а иногда даже и дальних) родственников мужа или жены.

§ 3. Главенство в семье

Вопрос о главе семьи, как подчеркивают отечественные этнографы, является одним из наиболее важных вопросов внутрисемейных отношений. Изучая вопрос главенства в

современной нальчикской горско-еврейской семье, следует обратить внимание на тот важный факт, что в настоящее время принципиально изменился сам смысл понятия «глава семьи».

В прошлом в условиях существования большой патриархальной семьи власть главы семьи — «бебе» (отца) была практически неограниченной. Никто из членов семьи не смел его послушаться, он имел право наказывать или поощрять любого члена «келекифлет»¹⁰. После распада большой семьи на малые главой семьи соответственно традиционному обычному праву становился отец семейства или старший сын (в случае смерти отца). Если же сына в семье не было, то такой семьей управлял кто-либо из ближайших родственников — мужчин (ни вдова главы семейства, ни старшая дочь не имели права возглавлять «кифлет»).

Глава семьи был основным распорядителем всей хозяйственной деятельности семьи, а также хозяином принадлежавшего ей имущества (дом, земля, скот и т. д.); в его руках находилась и общесемейная касса. Все более или менее значительные семейные события (женитьба сына, замужество дочери, какая-либо покупка — не только дорогостоящая, но и незначительная и т. д.) решались главой семьи фактически единолично.

В настоящее время у нальчикских горских евреев главой семьи традиционно считается старший мужчина. Несмотря на то, что во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов, с изменением общественного статуса горско-еврейского женского населения, вызванного новыми социально-экономическими условиями, сложившимися в то время, происходили и некоторые изменения в традиционном ролевом поведении мужчины и женщины, их нельзя считать особенно существенными, и власть мужчины как главы семьи была достаточно крепка.

Появление после войны большого числа неполных двухпоколенных семей, во главе которых стояли либо вдовы, либо матери-одиночки, не привело, как этого можно было бы ожидать, к переоценке роли мужчины как традиционного главы семьи. Многие женщины, потерявшие своих мужей на фронте, во время бесед с нами часто повторяли, что им было особенно тяжело, т. к. остро ощущалось отсутствие «сааб хуне» (хозяина дома). Естественно, что дети в таких семьях, так же как и молодые люди в полных семьях, в процессе со-

циализации укрепляются в мысли, что главой семьи непременно должен быть муж.

Анализ статистического материала похозяйственных книг жилищно-эксплуатационного управления Октябрьского района г. Нальчика, в которых учтены семейные списки горско-еврейского населения, показал, что подавляющее большинство из 947 горско-еврейских семей возглавляют мужчины (82,4⁰/₀), а остальные (17,6⁰/₀) — женщины, поскольку в этих семьях нет взрослых мужчин (часто это двухпоколенные семьи, в которых женщина является или вдовой, или матерью-одиночкой). Наши личные наблюдения позволяют говорить о том, что главенство в современной нальчикской горско-еврейской семье не только номинальное, но и фактическое. В тех немногих семьях, где главенство в семье формальное, приобретает значение другое понятие — «лидерство в семье»¹¹. Как правило, лидерами становятся представители молодого и образованного поколения, причем практически только мужчины, хотя и здесь бывают исключения. Так, нами зафиксирована двухпоколенная семья, состоящая из супружеской пары (оба пенсионеры) и двоих неженатых детей — сына и дочери. Сын учится в школе, а дочь имеет высшее образование и является главным кормильцем семьи.

Наши полевые материалы, а также данные посемейного анкетного обследования свидетельствуют о том, что при определении главы семьи решающую роль играют традиционные установки, а все остальные общераспространенные критерии определения главенства в семье, такие как возраст, образование, ум, жизненный опыт, материальный вклад в общесемейную кассу и т. д., в значительной степени нивелируются инерцией традиционных установок.

Следует отметить, что в настоящее время встречается довольно много семей, где главой считается муж, а общесемейная касса находится у жены. Если учесть, что раньше всеми материальными средствами, принадлежавшими семье, распоряжался единолично ее глава, то в данном случае можно говорить о раздвоении функций главенства между мужем и женой. Еще более заметно подобное раздвоение проявляется в вопросах, связанных с принятием жизненно важных решений, таких как дорогостоящая покупка, перемена квартиры или места жительства и т. д. Подобного рода решения принимаются, как правило, обоими супругами совместно, а вопросы, затрагивающие в той или иной мере судьбу детей (осо-

бенно если они уже взрослые), обсуждаются на семейном совете.

Однако даже если в семье и происходит, по той или иной причине, смена социальных ролей (так, например, нами зафиксирована семья, в которой совместно проживают супруги-пенсионеры, женатый сын и четверо внуков; муж в течение долгого времени серьезно болен, и семья фактически возглавляется супругой; в другой семье вместе проживают родители и их замужняя дочь с детьми; хотя формально главой семьи является муж, но фактически в роли «сааб хуне» выступает жена; соседи данной супружеской пары объясняют сложившееся положение тем обстоятельством, что муж проживает в доме родителей жены, т. е. в данном случае имеет место укореноклокальный брак и т. д.), внешние признаки главенства мужчины в семье сохраняются: жена при посторонних подчеркивает его главенство; женщина, выходя замуж, берет фамилию мужа; дети также, как правило, носят фамилию отца и т. д.¹².

Исследователи вопросов семьи и семейного быта отмечают связь между главенством в семье (фактическим, а не номинальным) и ее составом, указывая при этом, что в социально однородных семьях доля эгалитарных семей (т. е. таких, в которых присутствует равномерное распределение семейных ролей между мужем и женой) выше, чем в социально смешанных. Наши полевые материалы и данные Архива загса КБР позволяют говорить о том, что количество социально смешанных браков у нальчикских горских евреев весьма невелико (к тому же они отличаются крайней нестабильностью), ввиду чего вышеуказанная зависимость не столь заметна, как у некоторых других народов.

Можно сделать вывод, что происходящие активные процессы отмирания авторитарных структур семьи у горских евреев Кабардино-Балкарии и переход к ее эгалитарным структурам (что является в настоящее время характерным для многих этносов) способствует тому, что «происходит отмирание института главы семьи в прежнем его смысле», но большинство семей «продолжает придерживаться этого понятия, хотя вкладывают в него новое содержание»¹³.

§ 4. Семейные отношения

Отношения между отдельными поколениями в семье, между супругами, братьями и сестрами, между другими близки-

ми родственниками, иными словами, внутрисемейные отношения в значительной степени определяют тип семьи, способствуют ее нормальному функционированию, сохранению стабильности и передаче из поколения в поколение правил и установлений традиционного обычного права. Собранные нами полевые материалы позволяют говорить о том, что в современном семейном быту нальчикских горских евреев наряду с активными инновационными процессами сохраняют некоторое значение и патриархальные, формировавшиеся на протяжении многих веков, нормы внутрисемейного и семейно-родственного этикета поведения.

Такие важные характеристики семейных отношений, какими являются половозрастное распределение ролей в семье и взаимоотношения между поколениями, в немалой степени регулировались традиционными, освященными религиозными предписаниями, нормами семейной жизни.

В прошлом у горских евреев внутрисемейные взаимоотношения регламентировались строгим соблюдением обычая избегания («шерм»). В современной этнографической литературе выделяют четыре основные группы избегания: между самими супругами; между родителями и их детьми; между женщиной и родственниками ее мужа; между мужчиной и родственниками его жены¹⁴

Перечисленные формы избегания были характерны и для нальчикских горских евреев, правда, в различной степени. Наиболее распространенной формой было избегание женщиной родственников ее мужа.

Избегание между будущими супругами начиналось вскоре после визита родителей юноши в дом родителей девушки, которую они намеревались сватать для своего сына; после смстрин стороны договаривались о сроках обручения. Еще до сватовства юноша старался избегать родителей девушки, а также ее старших близких родственников. После обручения избегание распространялось не только на родителей невесты, но и на других родственников — старших братьев, сестер, жен ее родных братьев. В свою очередь, девушка также избегала родителей и других родственников юноши, а при случайной встрече с ними закрывала лицо краем платка. Согласно обычаю, после обручения молодые люди имели право назначать друг другу тайные свидания. Этим встречам способствовала, а также непременно присутствовала на них старшая замужняя сестра невесты либо жена ее брата, а если таковые отсутствовали, то старшая сестра жениха или его

очень близкий друг. Спустя некоторое время после обручения мать девушки, ее сестры, а также другие родственницы невесты по женской линии с подарками приходили в дом родителей жениха. После этого посещения жених имел право свободно разговаривать с матерью своей невесты.

Надо отметить, что за некоторое время до свадьбы жениха вместе с друзьями приглашали в дом невесты, по случаю чего устраивался торжественный ужин; за столом вместе с братьями невесты находились и ее родители (этот обычай носил название «шерм думоре» — буквально «открытие лица жениха») Тем не менее жених старался избегать родственников невесты по мужской линии до самой свадьбы.

После свадьбы молодые люди продолжали придерживаться многих внешних признаков приличия: не говорили друг с другом при старших и вообще при посторонних, не обращались друг к другу по имени; они не должны были в присутствии пожилых людей сидеть, есть с ними за одним столом и т. д. Молодожены стеснялись совершать совместные прогулки, ходить в гости к родственникам и друзьям.

В присутствии не только посторонних, но и родных, супруги никогда не обращались друг к другу по имени. Так, в разговоре со своими родителями муж говорил о жене — «ваша невестка», а при родителях и братьях жены употреблял выражения «ваша дочь», «ваша сестра». Если же речь о жене заходила в присутствии посторонних, то муж, говоря о жене, называл ее «духтер (дочь) такого-то» (по имени отца). Когда же в беседе речь заходила о муже, жена применяла следующие выражения (в зависимости от собеседника): «он», «сын такого-то», «ваш сын», «наш муж» и т. д. По сообщениям наших информаторов, сами супруги никогда не обращались друг к другу со словами: «шувер ме» (мой муж), «зен ме» (моя жена).

Строго придерживались нальчикские горские евреи обычая избегания в отношениях между родителями и детьми. Молодые родители, говоря о своих детях в присутствии старших родственников, употребляли выражение «внук (внучка) моих родителей» («нове бебе-дедей ме»), а в присутствии своих родителей — «ваш внук (внучка)» («нове ишму»). Молодой отец стеснялся при старших и посторонних не только играть со своими детьми и ласкать их, но даже брать их на руки.

По сообщениям наших информаторов, нередко отец по истечении довольно значительного времени после рождения ре-

бенка (8—10, а иногда и более лет) не уделял ему должного внимания в присутствии своих родителей.

Строгих запретов придерживалась также и молодая мать по отношению к своим детям. В присутствии старших она стеснялась брать на руки своего ребенка, играть с ним, кормить его грудью. При рождении первенца свекровь брала ребенка на руки, после чего передавала его старшей золовке (или золовкам), а та в свою очередь — молодой матери. Таким образом, свекровь как бы разрешала своей молодой невестке кормить ребенка.

Наиболее строгими были запреты, соблюдавшиеся невесткой по отношению к родителям мужа. Так, молодая женщина не должна была ходить без головного убора, без чулок, обнажать руки, ноги и т. д. Она не имела права в присутствии свекра, деверя или других мужчин разговаривать, сидеть, есть за одним столом с ними. Придерживаясь обычаев, свекор старался по возможности не заговаривать с ней, но если и обращался к ней, то она отвечала или жестом, или с помощью ребенка.

Свекор преподносил невестке подарок («бахш»), таким образом как бы разрешая ей разговаривать с собою; так же поступал и старший деверь.

Что касается свекрови, то лишь спустя несколько месяцев после свадьбы она предлагала невестке разговаривать с ней. Это объяснялось тем, что женщинам приходилось каждодневно общаться при выполнении домашних и хозяйственных дел. Несмотря на это, молодая женщина должна была избегать первой заговаривать со свекровью, а также с золовками и старшими невестками.

Придерживаясь «шерм», невестка не могла называть старших членов семьи по именам. К родителям мужа она обращалась соответственно «бебе» (отец), «деде» (мать); старшую золовку называла «хаар» (сестра), а старшего деверя — «думор» (брат). К младшим членам семьи она обращалась либо по именам, либо «духтер» (девушка, дочь) и «кук» (юноша, сын).

Избегание между мужем и родственниками жены было самой непродолжительной формой «шерм». Оно соблюдалось у нальчикских горских евреев лишь в течение предсвадебного этапа и фактически прекращалось после церемонии знакомства жениха с родителями невесты.

Как нами отмечалось выше, в семье существовало четкое половозрастное разделение труда. Исходя из способностей

и умения членов семьи, «бебе» определял им различные виды работ, причем наиболее ответственные выполнялись старшими и опытными мужчинами, а молодые мужчины занимались работой, не требующей большого опыта.

Трудовая деятельность женщин ограничивалась домашними делами (приготовление пищи, изготовление и починка одежды, поддержание порядка и чистоты в доме и т. д.) и воспитанием детей. Некоторые женщины занимались также ковроткачеством, помогали мужьям в обработке и выделке кож и т. д. Тяжелое и бесправное положение женщины в семье усугублялось предписаниями иудейской религии, обязывавшей дочь беспрекословно подчиняться воле отца, жене — воле мужа, вдову — воле старшего сына.

Большим авторитетом в семье пользовалась старшая женщина, обычно жена главы семьи («келезэн»), которая единолично распоряжалась домашним хозяйством семьи; помимо этого, все женщины «келекифлет» находились в ее прямом подчинении. В случае смерти «келезэн» или ее физической неспособности исполнять свои обязанности управление домашним хозяйством переходило к старшей снохе.

Обычай избегания у нальчикских горских евреев стал исчезать в 1920—1930-е годы, но некоторые элементы «шерм» сохранялись до 50—60-х годов (что можно объяснить количественным преобладанием трехпоколенных семей, которые, как известно, характеризуются более строгим соблюдением традиционных норм семейно-родственного этикета), хотя сроки его в целом резко сократились. То, что в настоящее время исчез обычай избегания, объясняется повышением уровня образования молодежи, а также ростом общего культурного уровня населения.

Как правило, некоторые бытующие до настоящего времени у нальчикских горских евреев элементы «шерм» соблюдаются молодыми людьми из-за уважения к представителям старшего поколения. Необходимо заметить, что обычай уважительного отношения к старшим является одной из самых стойко сохраняемых в быту национальных традиций. Старые люди окружены вниманием и заботой всех членов семьи, их авторитет очень высок, к их советам прислушиваются, стараются в их присутствии избегать споров, ссор и т. д.

Большие изменения, происшедшие в положении горско-еврейской женщины в семье, определяют принципиально новый характер внутрисемейных отношений.

Предпринятые в 1920-е годы органами советской власти

меры, направленные на претворение в жизнь юридического равноправия женщины-горянки, имели решающее значение и для положения горско-еврейской женщины. Состоявшийся зимой 1920/21 года объединенный съезд горско-еврейской бедноты Дагестанской и Терской областей, на котором присутствовали и представители нальчикской горско-еврейской общины, по докладу «О положении горско-еврейской женщины» принял резолюцию, где отмечалось, что «все бытовые и семейные права горского еврейства являются пережитками средневековья, от которых страдает в первую очередь женщина». Съезд постановил: «Запретить многоженство и двоеженство среди горских евреев; запретить ранние браки, отменить калым во всех его видах и скрытых формах», а также решительно осудил институты «евомо» (левиратный брак) и «халицы» (так назывался отказ молодого человека жениться на вдове своего старшего брата)¹⁵.

Последовавшие в 1920—1930-е годы глубокие преобразования в семейном быту горских евреев, исчезновение либо значительное ослабление тех традиционных норм обычного права, которые принижают достоинство женщины, способствовали искоренению целого ряда архаических обычаев.

Однако, как сообщают наши информаторы, даже в 1950—1960-х годах невестка в течение определенного времени старалась соблюдать некоторые элементы «шерм» в отношении свекра и старшего деверя, причем она начинала разговаривать с ними лишь после рождения первого ребенка. В настоящее время молодая женщина, хотя и сохраняет внешне очень почтительное отношение к свекру, практически на следующий день после свадьбы начинает свободно с ним общаться, ест вместе со всеми членами семьи за одним столом. К родителям мужа она обращается соответственно «бебе» (отец) и «деде» (мать), а деверя и золовку (как и остальных членов семьи) называет по имени.

Кардинальные изменения произошли в обращении родителей с детьми. Родители не стесняются брать их на руки, играть с ними, ласкать их, а также разговаривать с ними в присутствии старших или посторонних. Своих детей они зовут по имени, а те называют их «бебе», «деде». В то же время в отношении к своим родителям дети придерживаются традиционного, сложившегося на протяжении столетий, общепринятого этикета.

Сами молодые родители обращаются друг к другу соответственно «духтер» и «кук» либо по имени.

Распределение домашних обязанностей между членами семьи зависит не только от состава самой семьи и тех национальных традиций, которых она придерживается в повседневной жизни, но и в значительной степени от внутрисемейных отношений, которые, в свою очередь, обусловлены целым рядом факторов как субъективного, так и объективного характера.

Как в прошлом, так и поныне женщина выполняет большой объем всех видов (причем наиболее трудоемких) домашней работы. Так, например, приготовление пищи, стирка белья, уборка, починка одежды, уход за маленькими детьми, мелкий ремонт жилищ (подавляющее большинство нальчикских горско-еврейских семей проживает в индивидуальных домах) и т. д. являются исключительно женскими обязанностями.

Наблюдается поколенный характер разделения труда в семье. Невестка подметает двор, убирает в доме, моет посуду, занимается стиркой и починкой белья. Свекровь в основном готовит еду, присматривает за внуками. Если в семье имеются взрослые дочери, они выполняют определенную часть домашней работы.

Межполовое разделение труда в значительной степени обусловлено инерцией традиционных установок. Так, по мнению наших информаторов—мужчин, главной обязанностью жены является воспитание детей и выполнение ею домашних работ. Как женщины, так и мужчины считают главной обязанностью мужа материальное обеспечение семьи. Несмотря на то что в настоящее время в общественное производство вовлечено большее число горско-еврейских женщин, чем это было десять—двадцать лет назад, мужчины предпочитают, чтобы их жены находились дома, воспитывая детей, создавая уют в квартире и т. д.

Мужчины сравнительно часто помогают женам делать покупки, присматривать за детьми, выполняют некоторые несложные домашние обязанности; мужским занятием считается также уход за личным автотранспортом. В отдельных случаях мужчины выполняют трудоемкую работу (капитальный ремонт дома, работа на приусадебном участке и т. д.)

В трехпоколенных семьях значительную помощь молодой супружеской паре оказывают представители старшего поколения, причем наиболее существенную—старшие женщины. Старшие мужчины также активно помогают во многих

домашних делах, чаще всего в воспитании детей, гораздо реже — в приготовлении пищи, стирке белья, уборке и т. д.

Наблюдается определенная связь между традиционным половозрастным разделением домашних обязанностей и поколенным составом семьи. Так, в трехпоколенных семьях вклад мужчин в выполнение домашних работ гораздо менее весом, чем в двухпоколенных.

Исследователи выделяют четыре основных типа семьи, исходя из структуры взаимоотношений ее членов. Для семей первого типа характерно преобладание авторитарных отношений; в семьях второго типа авторитарные отношения внешне сохраняются, но в семье фактически равноправные отношения; для третьего типа характерны эгалитарные отношения при известном сохранении авторитарных структур; в семьях четвертого типа безраздельно господствуют равноправные отношения¹⁶. Подавляющее большинство нальчикских горско-еврейских семей, как свидетельствуют наши полевые материалы, относятся ко второму и третьему типу (и в виде исключения к первому и четвертому).

В настоящее время, хотя старший мужчина в силу устоявшихся традиций, а также благодаря большому материальному вкладу в общесемейную кассу пользуется определенным авторитетом и влиянием, вряд ли можно говорить о широком распространении реальных авторитарных семей, т. е. сейчас многие женщины (в отличие от положения, бывшего 15—20 лет назад) активнее вовлекаются в производственную и общественную деятельность, а взрослые работающие дети чувствуют себя в материальном плане независимыми.

Традиции предусматривают не только проявление внешних признаков уважения к родителям, но и заботу о них. Как мы уже отмечали, в настоящее время у нальчикских горских евреев трехпоколенная семья остается ведущей формой семьи, и младший сын, женившись, остается с родителями.

Интересно, что у нальчикских горских евреев относительно устойчиво поддерживаются родственные связи, хотя и в меньшей степени, чем это было ранее, когда семья считала в своем составе родственников не только по нисходящей и восходящей линиям, но и по боковой (которые фактически жили отдельно и вели самостоятельное хозяйство). Материальная взаимопомощь во время различных семейных событий (рождение ребенка, свадьба и т. д.) является в настоящее время одним из самых не только существенных, но и наибо-

лее стойко сохраняемых элементов родственной солидарности, так как в силу ряда причин наблюдается некоторое ослабление родственных связей.

Если раньше конфликты в семье между супругами были фактически невозможны (ввиду бесправного положения женщины), то в настоящее время они, судя по числу зарегистрированных в последние годы разводов, представляют достаточно распространенное явление. Подавляющее большинство причин, способствующих возникновению конфликтов, как правило, социально-психологического плана (несовместимость характеров, ревность, несовпадение интересов, вмешательство в семейные дела близких родственников—в основном родителей, золовок, и т. д.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГА СОССР, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 769, лл. 41—65, 66—85.

² ЦГА КБР, ф. Р-2, оп. 1, ед. хр. 530, л. 4.

³ Еврейская кавалерийская бригада//Правда. 1920, 4 июля, № 153.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928, Т. V. С. 109, 262.

⁵ 50 лет Кабардино-Балкарской АССР Нальчик 1971. С. 12 (число горских евреев подсчитано нами по некоторым источникам — см. напр.: *Анисимов С. С.* Кабардино-Балкария. М., 1937 С. 79; Всесоюзная перепись 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 44, 87, и т. д.).

⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М., Госстатиздат. 1963. С. 324—325, 350—351, 374—375; 50 лет Кабардино-Балкарской АССР., с. 12 *Догужаев В. Б.* Историко-этнографическая характеристика населения КБАССР Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 95 и т. д. (число горских евреев подсчитано нами).

⁷ *Ихидов М. М.* Большая семья и патронимия у горских евреев//Советская этнография, 1950, № 1, с. 188.

⁸ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М.; изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 97, 102.

⁹ *Ихидов М. М.* Указ. соч. С. 190.

¹⁰ Там же. С. 189.

¹¹ *Тер-Саркисянц А. Е.* Современный быт армян Абхазии//Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Вып. VIII. С. 11.

¹² *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М., Наука, 1983. С. 181.

¹³ *Шмелева М. Н.* Развитие внутренних связей в современной городской семье русских Центральной России//Семья: традиции и современность. М., Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1990. С. 25.

¹⁴ *Смирнова Я. С.* Указ. соч. С. 37.

¹⁵ *Авшалумова Л. Х.* Иудаизм и женщина... С. 5. 40—41.

¹⁶ Проблемы социалистического образа жизни. М. Наука, 1977. С. 190—191.

Глава II

БРАК И СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

§ 1. Формы брака

В современной науке семья рассматривается как социальная группа, ядром которой является брак — «исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между женщиной и мужчиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и детям»¹. Важнейшим элементом в структуре семейно-брачной обрядности является заключение брака.

Формы заключения брака у горских евреев в прошлом были довольно многочисленны: по сватовству, колыбельный сговор (лютечное обручение), утробное обручение, умыкание без согласия девушки (насильственное похищение), умыкание по согласию девушки (символическое похищение), обменный брак (заключение которого объяснялось соображениями экономического характера), брак уходом («...особый тип умыкания: по существу легализированный, он в силу традиций прикрывался фикцией нелегальности»²), левиратный (женитьба на вдове брата) и сороратный (женитьба на сестре умершей жены). Некоторые наши старейшие информаторы рассказывали нам еще об одной форме брака — так называемом временном браке, при этом добавляя, что хотя слышали об этом от своих отцов и дедов, но сами не могли припомнить подобных случаев.

Колыбельный сговор заключается, как правило, между отцами семейств, которые уже поддерживали дружеские отношения либо намеревались такие установить; нередко колыбельный сговор (а иногда и утробное обручение) совер-

шался между родственниками. Родители мальчика в условленный день вместе с родственниками и друзьями отправлялись в дом к родителям девочки с подарками. Отец девочки устраивал по этому поводу торжественный ужин, пригласив на это празднество своих родственников и друзей. Приглашался раввин, в присутствии которого отцы давали клятву, что будут верны заключенному между ними соглашению. Засватанная девочка должна была до свадьбы соблюдать определенные правила поведения: избегать родителей жениха и его родственников; ходить на свадьбы, праздничные вечеринки, похороны и т. д. в сопровождении какой-нибудь родственницы.

Время от времени родители мальчика посылали просватанной девочке различные подарки (предметы домашнего обихода, фрукты, конфеты и т. д.). Наши информаторы подчеркивают, что отказ какой-либо стороны от ранее данного слова воспринимался противоположной стороной как смертельная обида и мог привести к трагическим последствиям.

Сохранению таких брачных институтов, как левират и сорорат, способствовала материальная заинтересованность сторон в сохранении за собой части калыма.

Наши информаторы рассказывали нам о еще одной форме брака, беглое упоминание о которой мы находим в этнографической литературе³. Так, просватанная девочка семи-восьми-девяти лет поселялась в доме родителей жениха, где проживала в течение некоторого времени; по достижении ею определенного иудейскими канонами брачного возраста (12 лет и 1 день) происходило религиозное оформление брака (до этого времени «молодые» не вступали в близкие отношения). Во время своего пребывания в доме жениха девочка помогала будущей свекрови вести домашнее хозяйство, «привыкала» (по словам наших информаторов) к будущему мужу и т. д.

При всем разнообразии форм заключения брака самой распространенной формой оставался брак по сватовству.

Наши полевые материалы свидетельствуют о том, что у нальчикских горских евреев существовала внутрипоселковая (внутриобщинная) эндогамия, но строго она не соблюдалась, даже, напротив, заключалось довольно много браков с представителями горско-еврейских общин Грозного, Дербента, Хасавюрта, Кубы и т. д.

Значительную роль у горских евреев играли родственные браки. Так, широко были распространены кросскузенные

(брак с дочерью брата матери или дочерью сестры отца) и ортокузенные (с дочерью брата отца или дочерью сестры матери) браки.

Путешественники, посещавшие горско-еврейские общины еще в прошлом веке, отмечали у них факты многоженства, правда, не столь многочисленные. Многоженство было известно еще у древних евреев, о чем свидетельствуют Библия и Талмуд, однако в XI веке у ашкенази (европейских евреев), как мы отмечали выше, на многоженство был наложен запрет — так называемый «Херем де раби Гершом». Горские евреи не присоединились к этому запрету, поэтому у них вплоть до начала XX века было распространено многоженство (в основном двоеженство) «большей частью среди зажиточных слоев и раввинов, особенно в случае бездетности первой жены»⁴.

Полигамия наблюдалась в XIX — начале XX века и у нальчикских горских евреев. «Посемейный список горским евреям, проживающим в слободке при укр. Нальчик» зафиксировал две полигамные семьи. Талубай Симахов (49 лет) имел двух жен — Истыр (40 лет) и Устахан (42 года), детей у него не было. Ихнил Куденетов (45 лет) также имел двух жен — Сулору (35 лет) и Нурымген (30 лет); у него было два сына — Куденет и Нахамия (в документе нет точного указания, от которой из жен; можно предположить, что от младшей по возрасту)⁵. Судя по сообщениям наших старейших информаторов, в конце XIX — начале XX века также было несколько полигамных семей. В подавляющем большинстве случаев вторая жена появлялась в семье после того, как выяснялось (после нескольких лет супружеской жизни), что первая жена страдает бесплодием.

В настоящее время из всех форм заключения брака практически сохранился только брак по сватовству. Иногда близкие друзья, имеющие малолетних детей, дают друг другу слово, что когда их дети вырастут, то они сыграют «карси» (свадьбу). Если раньше нарушение подобного сговора приводило к вражде между семьями, то в настоящее время юноша и девушка, повзрослев, могут заявить о своем несогласии с авторитарным решением родителей, поскольку выбор брачного партнера в наши дни стал в основном личным делом, касающимся прежде всего самих брачующихся.

Насильственное похищение (так же как и символическое), которое и раньше было не столь частым явлением среди горских евреев, в настоящее время практически исчезало. В прош-

лом подобные случаи зачастую заканчивались трагически; если похитителя настигал отец или братья похищенной, то его жестоко избивали, а нередко и убивали.

«Надо заметить, — пишет горско-еврейский этнограф И. Ш. Анисимов, — что обычай «воровать девушку», существующий у евреев-горцев, наравне со всеми племенами Кавказа, не всегда кончается трагическими сценами, а большею частью мирно. Если молодой человек, укравший невесту, успел до погони родственников или пока они не отняли ее у него, фактически стать ее мужем, то она делается его женою. А это, конечно, возможно только с согласия девушки, которая бежит с ним по желанию и вопреки воле родителей; иначе немыслимо, чтобы она сделалась его женою, так как девушка защищается геройски против похитителя (а на это способны горские девушки!), пока не подоспеет к ней помощь от родных. Таких случаев очень много, особенно в аулах»⁶.

Нам рассказали об одном случае, происшедшем в начале нынешнего века. Юноша полюбил девушку и несколько раз, улучив момент, встречался с ней, признав себя влюбленным. Родители жениха не делали даже попыток сватать ее, так как отец девушки был очень состоятельным человеком и наверняка отказал бы им. Спустя какое-то время, узнав о том, что к этой девушке снаряжают сватов, юноша решил на отчаянный шаг. Он подстерг девушку, когда она пришла к роднику за водой, и здесь похитил ее, связал и завернул в бурку, после чего, положив ее на арбу, прикрыл сверху какими-то вещами. Чтобы попасть домой к другу, где он намеревался оставить девушку, юноше надо было проехать через весь поселок. Отец девушки, заподозрив неладное, ибо дочь слишком долго не возвращалась домой, послал к роднику своего младшего сына. Узнав о том, что дочь пропала, отец вскочил на коня и бросился в погоню; вскоре ему удалось догнать похитителя. Достав ружье, разгневанный отец спросил юношу, куда он девал его дочь. Внутренне замирая от страха, юноша ответил, что не видел ее, и двинулся дальше. Девушка пожалела его и не подала голос, зная, что отец непременно убьет ее жениха. К счастью, все закончилось благополучно — молодые в конце концов сыграли свадьбу и прожили вместе долгую жизнь.

Мы зафиксировали ряд случаев насильственного похищения, происшедших в последние годы. Юноша, украв девушку, прятал ее у одного из своих друзей, а утром либо сам, либо через своих знакомых объявлял родителям девушки о своем

решении жениться на ней. Раньше, после того как девушка проводила ночь вне дома, она считалась обесчещенной, и шансов выйти замуж у нее не было, более того, родители могли выгнать ее из дома, что чаще всего и случалось. Сейчас же девушка возвращается домой, если не согласна выйти замуж (надо заметить, что, как правило, и похищенная и похититель близко знакомы), без всяких для себя последствий.

Родственные браки (которые не лучшим образом сказываются на здоровье нации) до сих пор еще распространены в определенной мере среди горских евреев. Нами зафиксировано довольно много супружеских пар пожилого возраста, где муж и жена — двоюродные брат и сестра. Сейчас чаще женятся на троюродных сестрах и братьях, и это считается нормальным явлением. Нельзя утверждать, что изжил себя брак по расчету, так как материальные ценности играют определенную роль в создании семьи. Однако важно подчеркнуть, что подавляющее большинство современных браков заключается по взаимной любви. Как правило, родители стараются подобрать своему сыну в жены девушку с таким же, как у него, уровнем образования и общей культуры.

§ 2. Динамика брачного возраста

Хронологические рамки этностатистического обзора динамики брачности, брачного возраста, межнациональных браков и разводов среди горских евреев г. Налчика в значительной степени определяются источниковедческими возможностями. Начиная с 1944 года, актовые записи о браках сохранились полностью, чего нельзя сказать о более раннем периоде — двадцатых—тридцатых годах. Во время оккупации Налчика осенью 1942 года республиканский Архив загса значительно пострадал, множество архивных документов было уничтожено. Материалы по некоторым отдельным годам сохранились далеко не полностью, а по другим — отсутствуют вовсе. Поэтому мы воспользовались теми довоенными годовыми комплектами актовых записей, которые сохранились целиком (1927, 1928 и 1936 гг.). За период с 1944 по 1981, а также за 1985 и 1989 год архивный материал был обработан нами по каждому году в отдельности.

Всего нами было просмотрено 2032 брачных акта. Для характеристики динамики брачного возраста важно учесть то обстоятельство, что иногда супруги регистрировали брак в загсе после нескольких лет фактической совместной жизни. Здесь можно выделить несколько существенных моментов. Первая волна так называемых «браков вдогонку» (как обозначают их в социологической литературе) началась после войны, во второй половине сороковых годов. Так, в 1946—47 годах были заключены следующие браки, например: мужу — 42 года, жене — 32 (имели 5 общих детей); мужу — 50 лет, жене — 33 (имели 5 общих детей); мужу — 44 года, жене — 36 (4 общих ребенка); в 1950—51 гг. мужу — 22 года, жене — 28 (трое общих детей); мужу — 45 лет, жене — 39 (4 общих ребенка); мужу—55 лет, жене 51 (5 общих детей) и т. д. В 50-е — первой половине 70-х годов также встречаются супружеские пары, которые, вступая в брак, имели уже детей (чаще всего одного ребенка). Как правило, это были очень молодые люди (18—20 лет), которые после религиозного оформления брака ждали совершеннолетия (чаще невеста, а иногда — и оба будущих супруга), чтобы официально оформить свои отношения. Со второй половины 70-х—начала 80-х годов местные власти стали давать разрешение на снижение брачного возраста невест, и в эти годы все чаще стали выходить замуж 16—17-летние девушки (подобная тенденция сохраняется и в наши дни). С середины 1970-х годов резко возрастает количество вступающих в брак людей в возрасте от 50 до 80 лет (которые прожили к этому времени вместе, после религиозного оформления брака, по 20—30 и более лет). Это было связано с известным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 сентября 1974 года «О дальнейшем увеличении материальной помощи малообеспеченным семьям, имеющим детей», и население, естественно, было заинтересовано в получении пособий. В последние годы, судя по нашим полевым материалам и данным Архива загса КБР, все браки официально регистрируются (нами отмечены лишь единичные случаи послесвадебной регистрации)

Рассмотрим динамику брачности нальчикских горских евреев в период с 1927 по 1989 год. Как мы видим (табл. 8), намечавшийся в довоенные годы естественный рост числа браков был прерван войной, и лишь к середине 50-х годов был восстановлен предвоенный уровень. Годы войны остро сказались на всем демографическом развитии населения нашей

страны: резко деформировалась половая и возрастная структура населения, соответственно сократилась рождаемость, заметно повысилась смертность. Все это отразилось и на таком демографическом показателе, как брачность населения. В 60-е годы число заключенных браков уменьшается, так как в эти годы начинают вступать в брак в основном молодые люди, родившиеся в годы войны. В конце 60-х — начале 70-х годов уровень брачности в основном стабилизируется, и в 70-е годы начинается медленный, но неуклонный его рост, продолжавшийся и в 80-е годы.

Изучая актовые записи о браках, мы проанализировали их в супружеских парах, с точки зрения частоты как у мужчин, так и у женщин (табл. 9). Подавляющее большинство зарегистрированных браков были первичными — 1729 у мужчин (85,1⁰/₀) и 1829 у женщин (90⁰/₀). Повторных браков у

Т а б л и ц а 8*

**Динамика зарегистрированных браков (включая и межэтнические)
среди горских евреев г. Нальчика
(1927—1989 гг.)**

Годы	Число браков		Годы	Число браков
1927	15		1960	41
1928	30		1961	46
1936	31		1962	42
1944	14		1963	53
1945	15		1964	46
1946	35		1965	51
1947	24		1966	49
1948	18		1967	55
1949	26		1968	46
1950	38		1969	60
1951	29		1970	53
1952	24		1971	57

Продолжение таблицы 8

Годы	Число браков		Годы	Число браков
1953	31		1972	53
1954	37		1973	62
1955	60		1974	59
1956	38		1975	60
1957	53		1976	62
1958	53		1977	62
1959	48		1978	67
1979	72			
1980	68			
1981	73			
1985	77			
1989	99			

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

Т а б л и ц а 9*

Динамика частоты зарегистрированных браков

Годы	М У Ж				Ж Е Н А		
	I брак	II брак	III брак	IV брак	I брак	II брак	III брак
	2	3	4	5	6	7	8
1927	11	4	—	—	13	2	—
1928	19	7	3	1	22	8	—
1936	22	7	1	1	22	8	1
1944	9	5	—	—	11	3	—
1945	11	4	—	—	12	3	—
1946	32	3	—	—	34	1	—
1947	24	—	—	—	23	1	—
1948	15	3	—	—	15	3	—
1949	26	—	—	—	25	1	—
1950	35	3	—	—	35	3	—
1951	26	3	—	—	28	1	—
1952	24	—	—	—	24	—	—
1953	29	2	—	—	29	2	—
1954	33	3	1	—	35	2	—
1955	57	3	—	—	57	3	—
1956	36	2	—	—	36	2	—
1957	51	2	—	—	51	2	—
1958	50	3	—	—	52	1	—
1959	45	3	—	—	48	—	—
1960	36	4	1	—	40	1	—
1961	40	6	—	—	45	1	—
1962	40	2	—	—	39	3	—
1963	47	6	—	—	49	4	—
1964	40	6	—	—	42	4	—

1	2	3	4	5	6	7	8
1965	44	5	2	—	47	4	—
1966	40	9	—	—	42	7	2
1967	47	8	—	—	50	5	—
1968	40	6	—	—	44	2	—
1969	50	10	—	—	52	8	—
1970	40	12	1	—	44	9	—
1971	48	8	1	—	49	8	—
1972	44	9	—	—	43	10	—
1973	52	10	—	—	60	2	—
1974	51	8	—	—	56	3	—
1975	48	12	—	—	55	5	—
1976	51	11	—	—	57	5	—
1977	55	7	—	—	60	2	—
1978	53	14	—	—	55	12	—
1979	64	8	—	—	65	7	—
1980	55	13	—	—	58	10	—
1981	56	17	—	—	61	12	—
1985	59	18	—	—	63	14	—
1989	74	25	—	—	83	16	—
Всего:	1729	291	10	2	1829	200	3

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

мужчин было 303 (14,9%), а у женщин — 203 (10%); при этом 287 браков у мужчин и 200 у женщин были зарегистрированы во второй раз, 10 у мужчин и 1 у женщин — в третий раз, и 2 брака — у мужчин в четвертый раз (оба были заключены в предвоенные годы). Наибольшее количество повторных браков приходится на 1980-е годы (1981—29, 1985—32; 1989—41).

В целом наблюдается неуклонный рост повторных браков по десятилетиям (50-е гг. — 43, 60-е гг. — 104, 70-е гг. — 166). Особенно важно подчеркнуть почти совершенное исчезновение в послевоенные годы браков, заключенных в третий и четвертый раз.

Материалы Архива загса КБР позволяют сделать интересные выводы, касающиеся таких важных вопросов, как возраст вступающих в брак и динамика брачного возраста (табл. 10—13). Здесь мы согласны с А. Е. Тер-Саркисянц, которая пишет, что средний брачный возраст «свидетельствует о том, насколько правильно... момент вступления в брак сочетается с биологической и социальной целесообразностью образования новой семьи»⁷

Нами обработан статистический материал по динамике брачного возраста (как у мужчин, так и у женщин) отдельно по периодам с 1927 по 1977 год и с 1980 по 1989 год.

В 1927 году мужчины вступали в брак в основном в возрасте от 19 до 22-х лет (60⁰/₀ от общего числа зарегистрированных в этот год браков); невелико было число браков, заключенных мужчинами в возрасте 16—18 лет (6,7⁰/₀) и в 23—26 лет (13,3⁰/₀). Средний брачный возраст составлял 23,2 года.

В 1936 году брачный возраст мужчин колебался от 19 до 26 лет; так, в возрасте 19—22 лет вступили в брак 25,8⁰/₀, а в 23—26 — 35,5⁰/₀. Немногим более четверти браков (25,8⁰/₀) заключено мужчинами среднего поколения — от 30 лет и старше. Средний брачный возраст — 27,9 лет.

Характерно большое число ранних браков в 1947 году, что было следствием только что окончившейся войны; так, 16,7% мужчин вступили в брак в возрасте 16—18 лет, а 20,8% — в возрасте 19—22 лет. Треть зафиксированных браков заключена мужчинами в возрасте 30 лет и старше (33,3%). Средний брачный возраст по сравнению с 1936 годом несколько повысился и составил 28,7 лет.

В 1957 году подавляющее число браков было заключено нальчикскими горскими евреями в возрасте от 19 до 26 лет (77,4%), причем 30,2% мужчин вступили в брак 19—22-летними, а 47,2⁰/₀ женились в возрасте 23—26 лет. Средний брачный возраст несколько снизился по сравнению с 1947 годом и составил 26,5 лет.

Брачный возраст мужчин, зарегистрировавших брак в 1967 году, колеблется от 23 до 29 лет и старше. Так, 34,5% мужчин женились в возрасте 23—26 лет, а 27,4% — в возрасте 27—29 лет. Четверть всех зарегистрированных браков за-

ключена мужчинами 30 лет и старше (25,4%) Средний брачный возраст составил 28,1 лет.

В 1977 году имелись единичные случаи ранней женитьбы — в 16—18 лет (3,2); подавляющее большинство мужчин вступило в брак в возрасте 19—22-х лет (43,5%). Во всех остальных возрастных группах (23—26, 27—29 и 30 лет и старше) число зарегистрированных браков приблизительно одинаково (соответственно 19,4%, 17,8% и 16,1%). Средний брачный возраст составил 30,6 лет.

Переходя к рассмотрению динамики брачного возраста среди женщин, отметим, что среди них довольно распространены были ранние браки. Так, в 1927 году женщины вступали в брак в основном в возрасте 16—18 лет (66,6%), а также в 19—22 года (20%); средний брачный возраст составлял 19,1 лет. В 1936 году преобладающими являлись две возрастные группы: от 16 до 18 лет (16,1%) и 19—22 года (48,4%). В 1936 году средний брачный возраст женщин значительно повысился (по сравнению с 1927 г.) и составил 22,9 лет; существенную роль в его повышении сыграл довольно высокий процент женщин, вышедших замуж в возрасте 30 лет и старше (16,1%).

В 1947 году женщины вступали в брак чаще всего в возрасте 19—22 лет (41,7%), а также — 23—26 лет (20,8%). Интересно, что во всех остальных трех возрастных группах зарегистрировано одинаковое количество браков (по 12,5%). Средний брачный возраст составил 23,3 года.

Более половины всех зарегистрированных в 1957 году браков у женщин приходится на возрастные группы от 16 до 18 лет (24,5%) и от 19 до 22-х лет (26,4%). Средний брачный возраст составил 23,6 лет, т. к. в данном году почти треть браков (30,2%) заключалась женщинами в возрасте 27—29 лет (17%), а также 30 лет и старше (13,2%).

Такую же картину мы наблюдаем и в 1967 году. Более четверти всех зафиксированных в этом году браков (24,5%) представляют ранние браки — в 16—18 лет, а более трети (34,5%) — браки, когда женщины выходили замуж в возрасте 19—22-х лет (34,5%). Примечательно, что в данном году довольно высок процент женщин, вступивших в брак в возрасте 30 лет и старше (20%). Средний брачный возраст понизился более чем на год (по сравнению с 1957 г.) и составил 22,4 года.

Т а б л и ц а 10*

Брачный возраст мужчин в 1927—1977 гг.

Возрастная группа	1927	1936	1947	1957	1967	1977
16—18	1 6,7%	—	4 16,7%	1 1,9%	—	2 3,2%
19—22	9 60%	8 25,8%	5 20,8%	16 30,2%	7 12,7%	27 43,5%
23—26	2 13,3%	11 35,5%	4 16,7%	25 47,2%	19 34,5%	12 19,4%
17—29	—	4 12,9%	3 12,5%	7 13,2%	15 27,4%	11 17,8%
30 лет и старше	3 20%	8 25,8%	8 33,3%	4 7,5%	14 25,4%	10 16,1%
Всего браков	15	31	24	53	55	62
Средний брачный возраст (лет)	23,2	27,9	28,7	26,5	28,1	30,6

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

Т а б л и ц а 11*

Брачный возраст женщин в 1927—1977 гг.

Возрастная группа	1927	1936	1947	1957	1967	1977
16—18	10 66,6%	5 16,1%	3 12,5%	13 24,5%	14 25,4%	17 27,4%
19—22	3 20%	15 48,4%	10 41,7%	14 26,4%	19 34,5%	30 48,4%
23—26	1 6,7%	4 12,9 ^{0/}	5 20,8%	10 18,9%	3 5,5%	13 21%
27—29	1 6,7%	2 6,5%	3 12,5%	9 17%	8 14,5%	— —
30 лет и старше	— —	5 16,1%	3 12,5%	7 13,2 ^{0/}	11 20%	2 3,2%
Всего браков	15	31	24	53	55	62
Средний брачный возраст (лет)	19,1	22,9	23,3	23,6	22,4	21,3

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

Брачный возраст женщин в 1977 году колеблется от 16 до 29 лет, причем в возрасте 19—22-х лет вступили в брак столько же женщин (48,4%), сколько в двух других возрастных группах (16—18 и 23—26 лет) вместе взятых (соответственно 27,4% и 21%). Средний брачный возраст — 21,3 года.

Итак, рассматривая брачный возраст у нальчикских горских евреев в динамике за период с 1927 по 1977 год, мы видим, что он характеризуется относительно стабильным ростом среднего брачного возраста у мужчин, в отличие от женщин, у которых в 1930—1950-е годы наблюдался его небольшой рост (в 1960—1970-е гг. соответственно снижается). Чаще всего в этот период мужчины вступали в брак в возрасте 19—26 лет, а женщины — 15—22-х лет.

Рассмотрим теперь динамику брачного возраста у нальчикских горских евреев в 1980-е годы (табл. 12—13). В 1980 году брачный возраст мужчин колебался в основном от 19 до 26 лет: в возрасте 19—22-х лет женились 39,7% мужчин, а 23—26 лет — 32,4%. Одновременно 27,9% браков было заключено мужчинами в 27 и старше лет, что повлияло на средний брачный возраст, составивший 27,3 года. В 1981 году мужчины также вступали в брак чаще всего и в возрасте 19—22-х лет (39,7%) и 23—26 лет (27,5%). Значительной была доля поздних браков (30,1%); зарегистрировано также 2,7% ранних браков. Средний брачный возраст несколько снизился по сравнению с предыдущим годом и составил 26,8 лет.

Подавляющая доля браков (70,1%) в 1985 году зарегистрирована в группах 19—22-х лет (27,3%) и 23—26 лет (42,8%). Средний брачный возраст — 25,1 лет.

Брачный возраст в 1989 году колебался в возрасте 19—26 лет (59,6%) и старше. Несмотря на рост ранних браков (8,1%), средний брачный возраст значительно повысился и составил самый высокий показатель в десятилетии — 29,1 лет.

У женщин в 1980 году 36,8% браков было зарегистрировано в 16—18 лет и 29,4% — в возрасте 19—22-х лет. В то же время 16,2% женщин вышли замуж в возрасте 30 лет и старше (что составляет самый высокий показатель в рассматриваемом десятилетии). Средний брачный возраст — 23,3 года.

В 1981 году наиболее часто женщины заключали браки в следующих возрастных категориях: 16—18 лет (32,9%),

19—22 (26%), 23—26 (19,2%). Средний брачный возраст был несколько ниже, чем в предыдущем году, и составил 28,8 лет.

В 1985 году также наблюдается снижение брачного возраста (21,8 лет) за счет роста удельного веса браков, заключенных в возрасте 16—18 лет (40,3%) и 19—22-х лет (33,8%), и одновременного снижения удельного веса поздних браков (16,8%).

Несмотря на то, что и в 1989 году более ранние браки составляли подавляющее большинство (74,8%), в том числе в 16—18 лет — 45,5%, в 19—22 года — 29,3%, средний брачный возраст в данном году увеличился и составил 22,9 года. Это объясняется тем обстоятельством, что в 1989 году было заключено сравнительно много браков в возрасте 30 лет и старше (13,1%).

Т а б л и ц а 12*

Брачный возраст мужчин за 1980—1989 гг.

Возрастные группы	1980	1981	1985	1989
16—18	— —	2 2,7%	2 2,6%	8 8,1%
19—22	27 39,7%	29 39,7%	21 27,3%	24 24,2%
23—26	22 32,4%	20 27,5%	33 42,8%	35 35,4%
27—29	6 8,8%	7 9,6%	6 7,8%	13 13,1%
30 лет и старше	13 19,1%	15 20,5%	15 19,5%	19 19,2%
Всего браков	68	73	77	99
Средний брачный возраст (лет)	27,3	26,8	25,1	29,1

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

Таблица 13*

Брачный возраст женщин за 1980—1989 гг.

Возрастные группы	1980	1981	1985	1989
16—18	25 36,8%	24 32,9%	31 40,3%	45 45,5%
19—22	20 29,4%	19 26%	26 33,8%	29 29,3%
23—26	6 8,8%	14 19,2%	7 9,1%	8 8,1%
27—29	6 8,8%	7 9,6%	3 3,9%	4 4%
30 лет и старше	11 16,2%	9 12,3%	10 12,9%	13 13,1%
Всего браков	68	73	77	99
Средний брачный возраст (лет)	23,3	22,8	21,8	22,9

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

Как мы видим, в 1980-е годы в динамике брачного возраста горских евреев Кабардино-Балкарии наметились достаточно устойчивые тенденции. Так, у мужчин наиболее частыми были браки в возрасте 19—26 лет; почти пятая часть всех браков заключались мужчинами в более позднем возрасте — в 30 лет и старше. Одновременно наблюдается некоторое повышение числа случаев ранней женитьбы. У женщин сохранялась стабильная тенденция к «омолаживанию» браков; подавляющее число девушек выходили замуж в возрасте 16—22-х лет. В то же время, если в 1985 году число 16 и 17-летних девушек, вышедших замуж, составляло соответственно 5 и 10, то в 1989 году их было 8 и 12 че-

людей. Как для мужчин, так и для женщин характерна общая тенденция — после некоторого снижения среднего брачного возраста в первой половине 1980-х годов повышение его к концу десятилетия.

Таким образом, приведенные статистические данные за 1927, 1936, 1947, 1957, 1967, 1977, 1980, 1981, 1985 и 1989 годы дают наглядное представление о динамике брачного возраста нальчикских горских евреев. Они показывают, что начиная со второй половины 1920-х годов шел непрерывный процесс в сторону увеличения среднего брачного возраста как у мужчин, так и у женщин, который протекал, однако, не совсем равномерно. Так, у мужчин в первой половине 1980-х годов произошло некоторое снижение среднего брачного возраста, главным образом за счет увеличения браков в возрасте 19—26 лет, а также небольшого числа ранних браков. У женщин наблюдается повышение брачного возраста в 1947—1957 годах (что было вызвано, по-видимому, последствиями войны), который затем снижался и к 1980-м годам в среднем стабилизировался. Отметим и такую характерную деталь, как постоянный рост в последнее время числа браков, заключаемых девушками в возрасте 18 лет и моложе.

Нами также были обработаны материалы республиканского Архива загса по вопросу динамики возрастной разницы между супругами за период с 1927 по 1977 год и с 1980 по 1989 год (табл. 14—15).

В 1927 году преобладали супружеские пары, в которых муж был старше жены на 1—3 года, а также на 4—6 лет (по 33,3%). Одинаково число супружеских пар (по 13,3%), в которых муж либо старше жены на 10 и более лет, либо моложе ее на 1—3 года.

В 1936 году большинство составляли супружеские пары, в которых муж был старше жены на 1—3 года (32,2%). Еще более значительной была доля браков с большой возрастной разницей между мужем и женой; так, на 7—9 лет были старше жен 16,1% мужчин, а на 10 лет и более — 19,3%. Одновременно увеличилась доля браков, в которых жена была старше мужа: на 1—3 года (6,4%), 4—6 лет (6,4%), 7—9 лет (3,2%).

В 1947 году возрастная разница между супругами значительно сократилась (что объяснялось, по всей видимости, последствиями войны). В этом году 20,8% зарегистрированных браков было заключено между ровесниками, что

является самым высоким показателем за весь рассматриваемый период с 1927 по 1989 год; в 12,5% супружеских пар муж был старше жены на 1—3 года, в 16,7% — на 4—6 лет. Последствия войны сказались и на существенном увеличении доли браков, в которых муж был старше жены на 10 и более лет (25%), а также браков, в которых жена была старше мужа (20,8%), при этом наиболее распространенными были браки с возрастной разницей в 1—3 года (16,6%).

К 1957 году несколько уменьшился удельный вес браков ровесников (до 11,3%) и значительно — браков с большой возрастной разницей между мужем и женой — в 10 и более лет (до 3,8%). В то же время резко увеличилась доля браков, в которых муж был старше жены на 1—3 года (до 35,8%), и несколько — доля браков, в которых разница в возрасте между ними составляла 4—6 лет (20,8%). Одновременно немного снизилась доля браков, в которых жена была старше мужа (до 17%): на 1—3 года — 15,1%, на 4—6 лет — 1,9%.

Через 10 лет, в 1967 году, наблюдается довольно заметное увеличение удельного веса браков с большой возрастной разницей между мужем и женой. Так, доля браков, в которых эта разница составляла 7—9 лет, увеличилась за этот период с 11,3 до 18,2%, а доля браков, в которых муж был старше жены на 10 и более лет, — с 3,8 до 7,3%. Соответственно произошло значительное уменьшение доли браков ровесников (с 11,3 до 1,8%) и браков, в которых муж был старше жены на 1—3 года (с 35,8 до 23,6%). Несколько увеличился процент браков, в которых жена была старше мужа (с 17 до 20%).

Тенденция к дальнейшему повышению доли браков, в которых муж был старше жены на 1—6 лет (57,6%), сохранилась и в 1977 году; при этом чаще регистрировались браки с возрастной разницей в 1—3 года (35,5%), чем в 4—6 лет (25,8%). Несколько сократилась доля браков (по сравнению с 1960-ми гг.) с большей возрастной разницей: от 7 до 9 лет (13,9%) и 10 лет и старше (8,1%). Существенно возрос удельный вес браков, зарегистрированных между ровесниками (с 1,8 до 9,7%). В то же время значительно уменьшилась доля браков, в которых жена была старше мужа (8%).

Из 68 браков, зарегистрированных в 1980 году, в 55 (80,8%) муж был старше жены. Удельный вес браков, в

Таблица 14*

Разница в брачном возрасте между супругами

Г о д		Нет разницы	Муж старше жены (число лет)					Жена старше мужа (число лет)				
			1—3	4—6	7—9	10 лет и стар- ше	Все- го	1—3	4—6	7—9	10 лет и стар- ше	Все- го
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1927	число браков	—	5	5	1	2	13	2	—	—		2
	%	—	33,3	33,3	6,7	13,3		13,3	—	—		
1936	число браков	1	10	4	5	6		2	2	1		
	%	3,2	32,2	12,9	16,1	19,3	26	6,4	6,4	3,2		5
1947	число браков	5	3	4	1	6		4	1	—		
	%	20,8	12,5	16,7	4,2	25	19	16,7	4,2	—		5
1957	число браков	6	19	11	6	2		8	1	—		
	%	11,3	35,8	20,8	11,3	3,8	44	15,1	1,9	—		9
1967	число браков	1	13	16	10	4		9	2	—		
	%	1,8	23,6	29,1	18,2	7,3	44	16,4	3,6	—		11
1977	число браков	6	22	16	8	5		2	3	2		
	%	9,7	35,5	25,8	12,9	8,1	57	3,2	4,8	—		5

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

Таблица 15*

Разница в брачном возрасте между супругами

Г о д		Нет разницы	Муж старше жены (число лет)					Жена старше мужа (число лет)				
			1—3	4—6	7—9	10 лет и стар- ше	Все- го	1—3	4—6	7—9	10 лет и стар- ше	Все- го
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1980	число браков	8	20	18	12	5	63	4	1	—	—	5
	%	11,8	29,4	26,5	17,6	7,3		5,9	1,5	—	—	
1981	число браков	1	29	17	8	7		8	2	1	—	
	%	1,4	39,7	23,3	10,9	9,6	62	10,9	2,7	1,4		11
1985	число браков	5	18	30	9	10		3	1	1	—	
	%	6,5	23,4	38,9	11,7	13	72	3,9	1,3	1,3	—	5
1989	число браков	8	26	31	18	8		6	—	—	2	
	%	8,1	26,3	31,3	18,1	8,1	91	6,1	—	—	2,0	8

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

которых разница в возрасте мужа и жены составляла 1—3 года, сократилась с 35,5 до 29,4%, и соответственно возросла доля браков, в которых эта разница составляла 7—9 лет (с 12,9 до 17,6%). Насколько увеличился удельный вес браков ровесников (с 9,7 до 11,8%) и браков с разницей в возрасте между мужем и женой в 4—6 лет (с 25,8 до 26,5%). В 5 браках (7,4%) жена была старше мужа, и чаще всего эта разница составляла 1—3 года (5,9%).

В 1981 году наибольшее число зарегистрированных браков—46 из 73 (63⁰/₀), составляли браки, в которых муж был старше жены на 1—6 лет. Несколько увеличилась доля браков, в которых разница в возрасте мужа и жены составляла 10 и более лет (с 7,3 до 9,6⁰/₀). В то же время произошло значительное уменьшение удельного веса браков ровесников (с 11,8 до 1,4⁰/₀). В 11 браках (15⁰/₀) жена была старше мужа, причем в подавляющем большинстве случаев эта разница составляла 1—3 года (10,9⁰/₀).

Из 77 браков, зарегистрированных в 1985 году, в 48 (62,3⁰/₀) муж был старше жены на 1—6 лет, при этом значительно уменьшилась доля браков с разницей в 1—3 года (с 39,7 до 23,4⁰/₀), и соответственно возросла доля браков, в которых эта разница составляла 4—6 лет (с 23,3 до 38,9⁰/₀). Несколько увеличился удельный вес браков с большой возрастной разницей между мужем и женой: в 7—9 лет (с 10,9 до 11,7⁰/₀) и 10 лет и старше (с 9,6 до 13⁰/₀). Существенно увеличилась доля браков ровесников (с 1,4 до 6,5⁰/₀). В 5 браках (6,5⁰/₀) жена была старше мужа (на 1—3 года—3,9⁰/₀, на 4—6 лет—1,3⁰/₀, на 7—9 лет—1,3⁰/₀).

В 1989 году наиболее частыми были браки, в которых муж старше жены на 1—3 года (26,3⁰/₀), 4—6 лет (31,3⁰/₀) и 7—9 лет (18,1⁰/₀). Отмечается некоторое повышение доли браков ровесников (с 6,5 до 8,1⁰/₀). Впервые за весь исследуемый период зафиксированы два брака, в которых жена была старше мужа на 10 и более лет (2⁰/₀).

Таким образом, рассматривая динамику возрастной разницы за 1927, 1936, 1947, 1957, 1967, 1977, 1980, 1981, 1985, 1989 годы, мы видим, что наиболее распространенными были браки, в которых муж старше жены на 1—3 года либо на 4—6 лет. Несколько увеличился в последние годы удельный вес браков ровесников, а также браков с большой возрастной разницей между супругами (7—9 лет). В то же время в по-

следние несколько лет произошло уменьшение, а затем относительная стабилизация доли браков, в которых жена была старше мужа (исключение составил лишь 1981 г.).

§ 3. Межнациональные браки

Различные аспекты такой сложной проблемы, как межнациональная брачность, не раз становились объектом исследований в отечественной этнографической науке⁸, так как «межнациональные браки представляют собой одну из форм проявления взаимоотношений между различными национальностями» и «само число таких браков является одним из существенных показателей этнического сближения народов»⁹

Несмотря на то что для горских евреев характерны гомотипные браки, выступающие «в роли стабилизатора национальных традиций, в том числе и свадебных»¹⁰, в последние годы среди них наблюдается значительный рост межнациональных браков, о чем свидетельствует их динамика, этот «своеобразный индикатор межнациональных отношений»¹¹.

Исследователями давно отмечено, что материалы загсов служат «важнейшим источником для изучения динамики национально-смешанных браков»¹². Нами проанализированы статистические данные о межнациональных браках (в которых один из супругов — горский еврей), зарегистрированных в г. Нальчике в течение более чем 60-летнего периода (1927, 1928, 1936, 1944—1981, 1985, 1989 гг.). Всего за эти годы было зарегистрировано 412 межэтнических браков (табл. 16).

Учитывая, что за взятые для исследования годы было заключено 2032 брака, можно сделать вывод о том, что приблизительно каждый пятый брак, заключавшийся горскими евреями, был межэтническим (20,3%). Если рассмотреть такой показатель брачности, как количество сочетаний национальностей брачующихся, то среди горских евреев для мужчин он составляет 21 сочетание, для женщин—16. В 60—80-е годы, в связи с усложнением этнической мозаичности Нальчика (за счет миграций из различных регионов страны, а также перемещения части сельского населения республики в столицу), росла вероятность межэтнических браков; не случайно именно в эти годы наблюдается определенный рост количества сочетаний национальностей, вступающих в брак (табл. 17).

Число межэтнических браков (1927—1989 гг.)

Национальность мужа	Национальность жены	Число браков
еврей горский	русская	146
еврей горский	кабардинка	17
еврей горский	еврейка европ	15
еврей горский	татарка	5
еврей горский	армянка	4
еврей горский	азербайджанка	4
еврей горский	балкарка	3
еврей горский	грузинка	3
еврей горский	украинка	3
еврей горский	белоруска	2
еврей горский	коми	2
еврей горский	лезгинка	2
еврей горский	осетинка	2
еврей горский	узбечка	1
еврей горский	корейнка	1
еврей горский	черкешенка	1
еврей горский	полька	1
еврей горский	крымчанка	1
еврей горский	карачаевка	1
еврей горский	кумычка	1
еврей горский	немка	1
русский	еврейка горская	84
еврей европейский	еврейка горская	30
азербайджанец	еврейка горская	19
кабардинец	еврейка горская	12
украинец	еврейка горская	10
грузин	еврейка горская	8
балкарец	еврейка горская	8
армянин	еврейка горская	8
татарин	еврейка горская	5
осетин	еврейка горская	5

Национальность мужа	Национальность жены	Число браков
еврей бухарский	еврейка горская	2
еврей грузинский	еврейка горская	1
лакец	еврейка горская	1
кумык	еврейка горская	1
лезгин	еврейка горская	1
таджик	еврейка горская	1

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

Исследования статистических материалов Архива загса КБР позволяют проследить динамику межэтнических браков среди нальчикских горских евреев (табл. 18). Если в 1928 году было зафиксировано 4 межнациональных брака (13,3%), то в 1936-м—1 (удельный вес их снизился до 3,2%). В 1945 году доля таких браков составила 6,7%, а в 1950-м—увеличилась до 10,5%, и после некоторого снижения в 1955 году (6,7%) к 1960 году их удельный вес опять повышается (до 14,6%). В 1965 году доля межнациональных браков резко возрастает (до 23,5%) и, после некоторого снижения и относительной стабилизации (в 1970, 1975, 1980 гг.), неуклонно повышается.

В целом за исследуемый период наблюдался стабильный рост как абсолютного числа этнически смешанных браков (1950-е гг.—55; 1960-е гг.—81; 1970-е гг.—145), так и их удельного веса в общем числе браков—соответственно 13,7%, 16,6% и 23,9%. Наиболее часто межнациональные браки заключались в 1966 и в 1989 годах (удельный вес их составил соответственно 40,8% и 34,3%), причем в эти годы наблюдаются и самые высокие показатели количества сочетаний национальностей брачующихся за весь исследуемый период; так, в 1966 году он составлял для горских евреев 5 сочетаний, для горских евреек—7, а в 1989-м—соответственно 5 и 8 сочетаний.

Судя по динамике межнациональных браков в Нальчике (табл. 19), среди горских евреев удельный вес таких браков заметно ниже, чем в целом по столице республики, что свидетельствует о заметной роли национальной предпочтительности у горских евреев, связанной с сохранением в их быту некоторых этнокультурных традиций.

Т а б л и ц а 17*

**Динамика количества сочетаний национальностей брачующихся
(1928—1989 гг.)**

Год	Количество сочетаний национальностей	
	горские евреи	горские еврейки
1928	4	—
1936	1	—
1945	1	—
1950	2	—
1955	—	4
1960	1	1
1965	6	3
1970	2	3
1975	2	4
1980	5	4
1985	4	5
1989	5	8

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР

Т а б л и ц а 18*

Динамика межэтнических браков среди нальчикских горских евреев
(1928—1989 гг.)

Год	Число браков	% от общего числа браков
1928	4	13,3
1936	1	3,2
1945	1	6,7
1950	4	10,5
1955	4	14,6
1960	6	6,7
1965	12	23,5
1970	10	18,9
1975	14	21,9
1980	14	20,6
1985	16	27,3
1989	34	34,3

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

Таблица 19*

**Динамика межнациональных браков в г. Нальчике
(1945—1985 гг.)**

Год	Число межнациональных браков	% от общего числа браков	Количество сочетаний национальностей брачующихся
1985	154	27,5	43
1945	165	20,4	34
1950	148	18,8	43
1955	245	21,3	67
1960	247	23,1	71
1965	370	25,6	97
1970	460	27,8	107
1975	473	26,6	114
1980	498	28,9	137

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

Исследователи выделяют в особую разновидность браки людей коренных национальностей той или иной республики «с представителями других национальностей, близких к ним по обычаям, обрядам, материальной и духовной культуре»¹³. Исходя из этого, мы выделили в отдельную группу браки горских евреев с кабардинцами и балкарцами; также мы отдельно рассмотрели браки горских евреев с представителями восточнославянских народов (русскими, украинцами, белорусами), еврейских субэтносов и этнодисперсных групп.

Они распределились следующим образом:

1. Браки с кабардинцами и балкарцами (9,7⁰₀); в данном случае одинаковое количество браков как у мужчин, так и у женщин (по 20).

2. Браки с представителями восточнославянских народов (59,3⁰₀); чаще вступали в брак мужчины (151), чем женщины (94), подавляющее большинство браков (как у мужчин, так и у женщин) заключено с русскими (230).

3. Еврейские этнографические группы (11,60%); чаще вступали в брак женщины (33), чем мужчины (15), подавляющее большинство браков (как у мужчин, так и у женщин) заключено с европейскими евреями (45).

4. Этнодисперсные группы: подавляющее большинство браков заключено с представителями закавказских народов (9,40%); и здесь женщины чаще вступали в брак (31), чем мужчины (8).

В целом среди горских евреев, как и у большинства кавказских народов, в межэтнические браки чаще вступали мужчины (52,40%), чем женщины (47,60%).

Как подчеркивают исследователи, маргиналы (потомки от смешанных браков) чаще всего вступают в брак с такими же маргиналами, так как отношение некоторой части населения (особенно лиц пожилого возраста семейно-родственной группы) к этнически смешанным бракам в общем негативно¹⁴. Наши полевые материалы лишь частично подтверждают эту оценку; родители хотя и не всегда одобряют решение своей дочери или сына, но не препятствуют им, если те полюбили человека иной национальности. Число религиозно оформленных браков среди межэтнических супружеских пар крайне невелико (в основном в том случае, если жених—горский еврей).

Существует еще одна причина столь малого числа религиозно оформленных межнациональных браков—отрицательное отношение к подобного рода фактам самого горско-еврейского населения, прежде всего представителей старшего поколения.

Как подчеркивают отечественные исследователи межнациональных браков, важные этнические процессы, протекающие в национально-смешанных семьях, проявляются в формировании специфических черт их культурно-бытового уклада; наиболее важным этапом в этническом аспекте является определение подростками из этнически смешанных семей по достижении ими совершеннолетия своей этнической принадлежности¹⁵.

Детей из этнически смешанных браков, как правило, записывают в актах гражданского состояния по национальности отца. При получении паспорта большая часть молодежи в таких семьях выбирает также национальность отца. Однако в ряде случаев, вследствие причин субъективного характера, некоторая часть юношей и девушек при получении паспорта выбирают национальность матери: когда ребенок воспитыва-

ется матерью без отца (в случае смерти отца, развода родителей), когда основным языком общения в семье и в ближайшем окружении является язык матери, т. е. решающее значение приобретает этническая среда (так, нами зафиксирована семья, в которой муж — горский еврей, офицер запаса большую часть жизни прослуживший вне территории республики, жена — русская, сын и дочь записаны также русскими) Дети матерей-одиночек, естественно, записываются по национальности матери.

В этнически смешанных семьях, как показывают наши полевые материалы, супруги горских евреев в подавляющем большинстве случаев с течением времени овладевают еврейско-татским языком, усваивают элементы традиционной национальной культуры своих брачных партнеров.

Дети в семьях, в которых отец — горский еврей, а мать — русская (украинка, белоруска), хорошо говорят и на русском, и на своем родном языке, особенно если супруги проживают с родителями мужа. Взаимоотношения между членами семьи в национально-смешанных семьях, как правило, дружеские, равноправные; муж больше помогает жене по хозяйству, в воспитании детей.

§ 4. Разводы

Нами проанализированы архивные материалы о состоянии разводов среди нальчикских горских евреев за 1943—1989 годы. Всего за этот период зафиксировано 713 разводов (табл. 20). Удельный вес их, когда один из супругов — горский (ая) еврей (ка), а другой — представитель иной национальности, составляет 29,3% от общего числа разводов (соответственно, процент разводимости среди собственно горских евреев — 70,7%).

Среди горских евреев чаще разводились мужчины (86,5%), чем женщины (84,2%), наиболее высока доля разводимых — в тех случаях, когда муж горский еврей, а жена русская (9,5%), либо — когда муж русский, а жена — горская еврейка (6%). Число межэтнических разводов — 209; и здесь процент разводов у мужчин выше, чем у женщин (соответственно 54,1% и 45,9%). Учитывая, что наиболее часто разводились такие пары, как горский еврей — русская (68) и русский — горская еврейка (43), на их долю приходится 53,1% от общего числа межэтнических разводов.

Число разводов (1943—1989 гг.)

Национальность мужа	Национальность жены	Число разводов
еврей горский	еврейка горская	504
еврей горский	русская	68
еврей горский	кабардинка	13
еврей горский	еврейка европейская	9
еврей горский	украинка	5
еврей горский	татарка	4
еврей горский	грузинка	3
еврей горский	азербайджанка	2
еврей горский	осетинка	2
еврей горский	белоруска	1
еврей горский	полька	1
еврей горский	черкешенка	1
еврей горский	лезгинка	1
еврей горский	армянка	1
еврей горский	ногайка	1
еврей горский	кумычка	1
русский	еврейка горская	43
еврей евроейский	еврейка горская	9
кабардинец	еврейка горская	7
украинец	еврейка горская	7
азербайджанец	еврейка горская	6
балкарец	еврейка горская	6
армянин	еврейка горская	4
грузин	еврейка горская	4
татарин	еврейка горская	2
курд	еврейка горская	2
абазинец	еврейка горская	1
осетин	еврейка горская	1
лезгин	еврейка горская	1
уйгур	еврейка горская	1

Национальность мужа	Национальность жены	Число разводов
белорус	еврейка горская	1
грек	еврейка горская	1

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР

Проследим динамику разводов среди горских евреев по годам. В 40-е и 50-е годы разводы были крайне редки, их число колебалось от 1 до 5 (всего в эти годы зарегистрировано 3,3% от общего за исследуемый период числа разводов); в некоторые годы (в частности, в конце 40-х—начале 50-х гг.) не было отмечено вообще ни одного развода. С начала 60-х годов число расторгаемых браков стало ежегодно возрастать, но незначительно; резкий рост увеличения числа разводов, наблюдаемых во второй половине 60-х годов, связан с изменениями в законодательстве о расторжении брака. Как известно, Президиум Верховного Совета СССР указом от 10 декабря 1965 года существенно упростил порядок расторжения брака, отменив обязательную публикацию о разводе в газете и утверждение решения народного суда вышестоящей судебной инстанцией (что было введено в законодательном порядке в 1944 г.), предоставив народному суду право расторгать брак по обоюдному согласию супругов¹⁶. Поэтому во второй половине 60-х годов было зарегистрировано вдвое больше разводов, чем в первой половине (в эти годы зафиксировано 16% от общего за исследуемый период числа разводов).

В 70-е годы наблюдался дальнейший рост числа разводов, которых регистрировалось в пределах 20—30 в год (32,8%); число разводов, зафиксированных в 80-е годы, еще более увеличилось, они составляли почти половину всех разводов (47,9%), зарегистрированных в период с 1943 по 1989 год (в 1980 г.—44 развода, в 1989 г.—42).

Значительный интерес для освещения разводов у горских евреев представляет анализ числа зарегистрированных разводов в сочетании возраста мужа и жены (табл. 21). Пик разводов у мужчин приходится на следующие возрастные

группы: 25—29 лет (22,6⁰/₀) и 30—34 года (20,2⁰/₀); у женщин почти две трети всех разводов (61,1⁰/₀)—в следующих возрастных категориях: 20—24 (21,9⁰/₀), 25—29 (22⁰/₀), 30—34 (17,2⁰/₀). Наименьшее число разводов как у мужчин, так и у женщин приходится на возраст моложе 20 лет (соответственно 0,5⁰/₀ и 2,4⁰/₀).

Собранный нами полевой материал, а также архивные данные дают основание утверждать, что в настоящее время бездетность далеко не всегда является главной причиной разводов. Нами зафиксированы браки, в которых супруги прожили совместно 20—30 лет, хотя и не имели детей. Напротив, подавляющее большинство разведенных имели одного-двоих детей (а иногда и больше). Следует отметить, что в роли инициаторов разводов все чаще выступают женщины.

Анализируя данные по разнице в возрасте между супругами на момент развода (табл. 22), мы видим, что число разводов, когда муж и жена одного возраста, незначительно (9⁰/₀); гораздо чаще в момент расторжения брака мужья оказываются старше жен (75,8⁰/₀), чем жены—мужей (15,2⁰/₀).

Проследим динамику межэтнических разводов по десятилетиям (табл. 23). Если в 40-е годы было зарегистрировано 4 развода (0,6⁰/₀ от общего числа разводов), то в 50-е их было всего 2 (0,3⁰/₀); резкий рост числа разводов (как и общий их рост) наблюдается в 60-е (4,5⁰/₀), 70-е (8,1⁰/₀) и особенно в 80-е годы, когда их было зафиксировано больше, чем за предыдущие почти сорок лет (15,8⁰/₀).

Сопоставляя данные по числу межнациональных браков за 1940—1970-е годы и числу межэтнических разводов за этот период (годы, по которым у нас имеются наиболее полные сведения), можно сделать вывод, что в эти годы распался в среднем каждый третий-четвертый такой брак.

Как известно, исследователи, занимающиеся причинами разводов, делят их на две группы: объективные (бездетность супругов, хронические болезни) и субъективные (несовместимость характеров супругов, неверность, безответственное отношение к семье со стороны кого-либо из супругов и т. д.)¹⁷. Наши полевые материалы, в том числе непосредственные наблюдения, позволяют считать основными причинами разводов у горских евреев именно субъективные: обострение отношений и конфликты невестки со свекровью и золовками (причем обе стороны, как правило, обвиняют в ссорах друг друга), различного рода трудности совместного проживания суп-

ругов (что особенно ярко проявляется в социально неоднородных семьях, в которых супруги принадлежат к разным социальным категориям) и т. д.

Такие часто встречающиеся в настоящее время причины для разводов, как пьянство и супружеская неверность, вовсе нетипичны для горских евреев. После развода дети практически всегда остаются с матерью. Если на развод заявление в суд подает жена, то она возвращает мужу все подаренные ей в день свадьбы дорогие вещи и драгоценности (в том числе и изделия из золота).

Т а б л и ц а 21*

**Число зарегистрированных разводов
по возрастным группам мужа и жены, %
(1927—1989 гг.)**

Возрастные группы	Мужчины	Женщины
моложе 20 лет	0,5	2,4
20—24	8,4	21,9
25—29	22,6	22
30—34	20,2	17,2
35—39	14,9	13,6
40—44	13,5	9
45—49	8,7	5,2
50 лет и старше	11,2	8,7

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

Разница в возрасте между супругами на момент развода

Нет разницы		Муж старше жены (число лет)						Жена старше мужа (число лет)			
		1—5		6—10		11—21		1—5		6—10	
Число разводов	%	Число раз- водов	%	Число раз- водов	%	Число раз- водов	%	Число раз- водов	%	Число раз- водов	%
64	9	341	47,8	146	20,5	51	7,1	94	13,2	14	2

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

Помимо приведенных в таблице данных, нами зафиксированы еще 3 развода, где разница в возрасте между мужем и женой составляла соответственно 23, 25 и 29 лет (0,4%).

Число межэтнических разводов (1940—1980-е гг.)

Годы	Число межэтнических разводов	% от общего числа разводов
1943—49	4	0,6
1950—59	2	0,3
1960—69	32	4,5
1970—79	58	8,1
1980—89	113	15,8

* Таблица составлена по материалам Архива загса КБР.

§ 5. Свадебные обряды

Современная свадебная обрядность нальчикских горских евреев, сохраняя некоторые общие черты, присущие брачно-свадебной обрядности еврейского этноса в целом, в то же время испытала на себе большое влияние традиционных, свойственных местному автохтонному населению, обрядов и обычаев свадебного цикла. Для того чтобы проследить те или иные инновационные процессы, затронувшие в определенной степени некоторые стороны современной свадебной обрядности горских евреев Кабардино-Балкарии, вкратце остановимся на обычаях и обрядах их свадебного цикла в прошлом.

Как известно, собственно свадьбе предшествует предсвадебный цикл, основное звено которого — выбор невесты. Раньше в подавляющем большинстве случаев родители старались найти юноше невесту, подходившую ему по имущественному и социальному положению. Помимо этого, девушка должна была быть физически здоровой и трудолюбивой; в таком случае она была способна воспроизводить здоровое потомство, а также активно участвовать в трудовой жизни семьи родителей мужа.

Нормы традиционного обычного права требовали от де-

вушки строгого соблюдения целого ряда запретов в соответствии с установлениями местного патриархального быта, в том числе и в отношениях с мужчинами. Так, при встрече с юношей или взрослым мужчиной девушка должна была уступить ему дорогу. Если в гости к родителям девушки приходили мужчины, она обязана была немедленно покинуть комнату. Девушка не имела права остановиться на улице по просьбе юноши, желавшего поговорить с ней, даже если юноша ей нравился. «Обычай всех горцев требует,— пишет И. Ш. Анисимов,— чтобы молодые люди — парни и девушки — не видали друг друга, и девушке показываться мужчинам или назначать им свидания воспрещается безусловно и строгойше. Поэтому девушки до замужества ведут почти замкнутую жизнь и никуда не показываются, исключая тех случаев, когда они посещают друг друга, присутствуют на свадьбах... Вследствие этого девушки горских евреев отличаются теми же свойствами, как и все женщины Востока: они стыдливы, робки, строго целомудренны и трудолюбивы»¹⁸

Нередки были случаи, когда жених до свадьбы не видел невесту, так же как и невеста — жениха, что иногда приводило к трагическим случаям. Об одном из них рассказал в своей монографии «Кавказские еврей-горцы» И. Ш. Анисимов. Его товарища, юношу 21 года из аула Тарки, женили на девушке из Дербента, которая была просватана за него еще в детстве. Жених увидел свою невесту только в день свадьбы, и она ему не понравилась. Он умолял отца освободить и его и девушку от этого брака, но тот не соглашался. Спустя несколько месяцев юноша от горя и отчаяния заболел чахоткой и вскоре скончался. Его отец, согласно обычаю, женил на вдове покойного своего второго сына, восемнадцатилетнего юношу (вновь вопреки воле последнего)¹⁹.

Наши информаторы рассказали нам о следующем интересном случае. Восемнадцатилетнему юноше отец засватал девушку из Кубы, которую до этого его сын никогда не видел. Юноша просил отца, одного из самых уважаемых членов нальчикской горско-еврейской общины, освободить его от этого брака, так как ему нравилась девушка, проживавшая в поселке. Однако свадьба все-таки состоялась. Через несколько лет молодая жена, не выдержав унижений и оскорблений со стороны мужа, согласилась дать ему «гет» (разводное свидетельство).

Юноша мог попросить родителей посватать ему ту или иную понравившуюся девушку, для девушки же самостоятельный выбор был практически исключен. Правила приличия требовали, однако, чтобы юноша не сам обращался к родителям с просьбой о сватовстве, а сообщал о своем решении близкому другу или родственнику (например, старшему брату), а тот, в свою очередь, передавал просьбу юноши его родителям.

Брачный возраст, установленный иудейской религией, был следующим: для девушек — 12 лет и 1 день, для юношей — 13 лет и 1 день. И. Ш. Анисимов отмечал, что горские еврейки «выходят очень рано замуж, так что 15-ти лет они по большей части имеют уже и ребенка»²⁰. О раннем замужестве горских евреек говорят также и другие бытописатели конца XIX — начала XX века, указывая при этом, что иногда разница в возрасте между мужем и женой была довольно значительной и составляла 15—20—25 лет²¹. Известный антрополог, профессор С. А. Вайсенберг летом 1912 года побывал на горско-еврейской свадьбе в Кубе; по его словам, невесте было 11 лет²².

После того как выбор невесты был сделан, родители жениха обращались за помощью к профессиональной свахе («ильчи»), задачей которой было вести переговоры с родителями девушки. Как правило, в роли «ильчи» выступали женщины довольно пожилого возраста; зачастую это были старухи, которые считались знахарками («момой») и пользовались большим почетом и уважением в обществе. Во время своего визита «ильчи» старалась заручиться согласием родителей девушки, и в первую очередь ее отца, на предстоящий брак. Если родители девушки не были согласны на свадьбу, то они отклоняли предложение под каким-либо благовидным предлогом, стараясь не обидеть родителей жениха, приславших «ильчи». Надо отметить, что если «ильчи» добивалась положительного ответа, от родителей юноши она получала хорошее вознаграждение.

Даже если родители девушки и были согласны на брак, то приличия требовало от них внешне никак не проявлять своих чувств, более того, они давали «ильчи» уклончивый ответ, говоря о том, что им необходимо посоветоваться со своими родственниками, либо подчеркивая, что их дочь не в состоянии выполнять сложные обязанности замужней женщины, так как она еще достаточно молода и т. д. Вместе с тем отец девушки давал понять «ильчи», что окончательно

ный ответ он даст только с приходом сватов — родственников жениха. В качестве сватов выбирали наиболее почтенных и уважаемых представителей со стороны жениха. Они наносили визит в дом родителей девушки спустя несколько дней после посещения этого дома «ильчи».

После того как сваты окончательно договаривались о свадьбе с родителями невесты, стороны обсуждали вопрос о размерах обязательного брачного платежа — калыма («хублари»). Как сообщают наши информаторы, в качестве «хублари» давали не только деньги, но и различные предметы домашней обстановки, а также скот и т. д. Размер «хублари» в значительной степени зависел от состоятельности родителей жениха, а также от внешних и личных качеств невесты. В связи с этим один из непосредственных наблюдателей жизни и быта горских евреев писал в 80-х годах прошлого века следующее: «Невеста покупается у горских евреев калымом», отмечая при этом, что чем «красивее девушка, тем отец ее дороже ценит свой товар»²³.

Если родителей девушки не устраивал размер калыма, то через несколько дней сваты опять являлись к ним, но уже в сопровождении отца юноши. Именно с ним родители девушки и обговаривали окончательный размер «хублари».

«Женитьба сопряжена для еврея-горца,— пишет И. Ш. Анисимов,— с большими трудностями и многолетними стараниями о скоплении некоторой суммы, для того чтобы купить себе невесту. Обычай требует, чтобы еврей-горец, вздумавший жениться, заплатил родителям невесты деньги, которые называются «калым». Калым редко доходит до суммы менее 150 р. сер[ебром], а если к этому прибавить, что свадьба продолжается обыкновенно около четырех суток, справляется также на счет жениха и что подвенечные одежды, по обычаю горцев богато обшитые серебряными и золотыми галунами, должны быть сделаны им же, то в итоге выходит, что горец, чтобы жениться, должен иметь... 300, 400 руб. сер[ебром] — сумму, по их средствам, совсем немалую, почему у евреев-горцев старые холостяки далеко не редкое явление. Но так или иначе еврей-горец, считающийся порядочным человеком, должен жениться и, следовательно, стараться скопить денег; иначе на него смотрят всюду, как на неблагородного горца, не достойного носить папаху [шапку] и кинжал»²⁴.

Бывали случаи, когда родители девушки умышленно устанавливали заведомо высокий размер калыма, который сторона жениха, в силу ограниченных материальных возможностей, не могла выплатить. Такое случалось, если жених по каким-либо причинам не устраивал родителей девушки, а прямо отказать родителям юноши они не решились.

Как сообщают наши информаторы, «хублари» уплачивался также за вдов и разведенных, но в очень незначительном размере.

Нам рассказали об одном случае, происшедшем в начале нынешнего столетия. У горских евреев, как и у окружающих их кавказских автохтонных народов, был широко распространен обычай кровной мести. Во время возникшей ссоры юноша, сын одного из самых уважаемых и богатейших представителей нальчикской горско-еврейской общины, смертельно ранил другого молодого человека и вынужден был покинуть поселок. Спустя некоторое время родственники убитого, в знак примирения с семьей убийцы, предложили им отдать в жены сестру убийцы, красивую молодую девушку, за родного брата убитого юноши, страдавшего физическим недостатком (одна нога была у него намного короче другой, и он заметно прихрамывал). При этом родители жениха отказались платить калым и практически полностью переложили все свадебные расходы на родственников невесты. В качестве сватов со стороны жениха в дом к родителям девушки направились самые уважаемые и старейшие члены общины. Родители девушки вынуждены были принять все предложенные им условия и дать согласие на нежелательный брак.

При сватовстве родителям невесты отдавался не весь «хублари» полностью, а лишь его часть; помимо этого, родители юноши преподносили им также и некоторые подарки (золотые украшения, отрезы на платья, кольца, предметы одежды и т. д.).

Сам обряд обручения назывался «тоной», буквально небольшой платок, который повязывала на голову невеста после обручения (ходить без головного убора разрешалось только незамужней женщине). На «тоной» собирались родственники жениха и невесты. В дом невесты на нескольких подносах («табаг») сестры или родственницы жениха несли подарки («гидишменди») — фрукты, халву, мед, спиртные напитки, сладости, жареных кур, рис и т. д. Вся эта процессия

с веселыми песнями направлялась из дома жениха во второй половине дня. Сам жених («думор») в день «тоноя» раню утром уходил из дому и возвращался обратно только на следующий день, переночевав у кого-либо из своих товарищей; считалось, что ему стыдно находиться дома, ибо там поминутно произносят имя его невесты.

Во время самой церемонии «тоноя» раввин составлял бумагу, в которой записывались «условия обручения», т. е. каков размер калыма, какая часть «хублари» выплачена и сколько еще осталось выплатить, какие «гидишмеди» жених должен преподнести невесте в качестве свадебного подарка и т. д. После этого молодой девушке (теперь уже невесте) надевалось обручальное кольцо («энгушдери») в знак того, что она обручена.

При обручении невесте («арус») преподносили на большом «табаге» подарки от приглашенных на торжественный ужин гостей; дарили кольца, серьги, предметы одежды, всевозможные яства и т. д. Каждый из мужчин, имевших взрослую дочь, старался преподнести в дар невесте наиболее красивый платок («лечег»). Считалось, что тот, кто подарит самый красивый платок невесте, будет вскоре «бебей-арус» (дословно — отец невесты; то есть его дочь вскоре выйдет замуж).

По окончании официальной части «тоноя» гости (в основном представители среднего и старшего поколения) садились ужинать, а молодые люди собирались в отдельной комнате, где весь вечер танцевали и веселились. Невеста, закрыв лицо платком, стояла неподвижно возле стены, окруженная подругами, до тех пор пока все гости не расходились. Существовал обычай, когда вместо настоящей невесты наряжали другую, так называемую «дургуни-арус» (лженевеста). Она закрывала лицо платком и старалась, чтобы никто не смог заглянуть ей в лицо. В качестве «дургуни-арус» выбирали девушку уже достаточно зрелую, в годах, засидевшуюся в невестах: было поверье, что таким образом она быстрее выйдет замуж.

После того как гости расходились в доме родителей невесты оставались самые близкие родственники со стороны жениха и невесты для совершения обряда «эри шерм арусе вокурде» (т. е. открытия лица невесты). Каждый из присутствующих мужчин танцевал с невестой, после чего в знак благодарности дарил ей золотую или серебряную монету, иногда несколько монет. Так как, согласно этикету, мужчине не доз-

волялось прикасаться к женщине, танцевавший отдавал деньги женщине — распорядительнице вечера.

Этот обычай (заимствованный, кстати, горскими евреями у окружающих их кавказских народов) известен также под названием «ейшобош». Когда танцевавший отдавал деньги распорядительнице, окружающие пели: «Ейшобош, ейшобош (называлось имя дарителя) — ре шобош, ейшобош; е моно-те шобош, ейшобош» («Да будет здоров [имярек], да веселимся мы; веселимся за того, который дал рубль») Таким образом, родственники жениха совершали по отношению к невесте «согбоши» («будь здорова, благодарю»), после чего невеста переставала закрывать лицо от родственников «думора», но она продолжала соблюдать строгий запрет, не позволявший ей разговаривать с ними. Спустя некоторое время родственники жениха преподносили «арус» различные подарки (кольцо, отрез на платье, шелковый платок и т. д.) для того, чтобы невеста заговорила с ними.

Между обручением и свадьбой проходил некоторый промежуток времени (дата свадьбы обговаривалась на «тоное») — от одного месяца до года, а иногда и больше. Это зависело от материальных возможностей родителей новобрачных, а также от некоторых других причин. В частности, поводом для переноса предварительно намечавшихся сроков свадьбы могла послужить смерть родственника со стороны жениха или невесты; во время обсуждения предстоящих сроков проведения свадьбы стороны следили за тем, чтобы эти сроки не совпали по времени с днями поминовения усопших родственников («сеим», «язда меги»)

Иногда время проведения «арси» было неопределенным, особенно в тех случаях, когда сватали младшую дочь в семье, а старшая дочь была не замужем, поскольку существовал обычай, по которому сначала должна была выйти замуж старшая дочь. Тогда родителям жениха приходилось ждать, когда выйдет замуж старшая сестра невесты.

После обручения, как мы уже отмечали, описывая внутрисемейные отношения, жених и невеста соблюдали многочисленные запреты по отношению друг к другу и к своим близким родственникам.

Со дня обручения и до дня собственно свадьбы родители жениха время от времени посылали невесте различные подарки (предметы одежды, сладости, фрукты, живых кур, барана и т. д.).

На следующий день после того, как родители жениха яв-

лялись в дом родителей невесты, где вручали им оставшуюся часть «хублари» (эта церемония носила название «рах-бура» — дословно «пересечение пути», и символизировала собой заключительный этап предсвадебного цикла), стороны начинали деятельно готовиться к свадьбе.

«За неделю до свадьбы родители жениха, — пишет И. Ш. Анисимов, — приглашают своих родственников, чтобы они скроили жениху и невесте подвенечные платья, дарили бы по своему усмотрению других близких родственников и бедных вдов и сирот платьями из готовых тут же материй. Кроме того, в течение этой же недели женщины готовят плов из кур, для отсылки старухам и старикам, у которых в этом году умерли дети или родственники, и вообще всем носящим траур. Своими дарами и вниманием они хотят испросить у них позволения сыграть свадьбу, так как из уважения к памяти умерших не желают своей музыкой и плясками оскорбить чувства носящих траур»²⁵.

Все дни после «рах-бура» и до самой свадьбы рядом с невестой неотлучно находятся две ее близкие подруги («согдуши»), помогавшие ей готовиться к «арси». Жениха во время свадебных торжеств сопровождали двое его друзей или близких родственников, которые назывались «бирор-думор» (брат жениха).

Гостей на свадьбу приглашали родители жениха и невесты (каждый приглашал своих родственников и знакомых). Выбирали человека, который должен был руководить свадебным застольем («серпой»). Это был женатый мужчина, опытный, уже в годах, остроумный, веселый, хороший организатор. Он назначал человека, присматривающего за тем, чтобы у гостей на тарелках всегда находилась еда, вовремя подавались на стол вино, водка, закуски и т. д. В обязанности «серпой» входило также назначение главной поварихи («кейво-ни»), которая распоряжалась всеми работами на кухне; он приглашал народного певца («мааничи»), который воспевал лучшие качества жениха и невесты, выражал им в стихах добрые пожелания в связи с браком; следил за тем, чтобы вся пища, подававшаяся на стол, была кошерной («халол»), а не трешной («харим»); с этой целью всю живность — кур, баранов и т. д. — резали в синагоге («нимаз») либо собственноручно раввин, либо его ученики.

Начиналась свадьба в понедельник («душобот»). В этот день в доме жениха за стол садились наиболее старые и уважаемые люди со стороны жениха и невесты. На второй

день, во вторник, опять же в доме жениха собирались мужчины и женщины среднего возраста, пришедшие поздравить молодых, для которых также устраивался торжественный ужин.

Как мы уже отмечали выше, среди нальчикских горских евреев (в подавляющем большинстве мужчин) нередко были браки с представителями горско-еврейских общин Дербента, Грозного, Кубы и т. д. В среду собирались женщины пожилого возраста, которые нашли и сосватали невесту («ильчи-гильчи»).

В четверг («пенжшобот») проходило венчание. По обычаю жених и невеста должны были перед венчанием исполнить обряд «миква» (омовение), т. е. искупаться в реке или в бане (это зависело от времени года и погоды). Причем невеста совершала «микву» в среду вечером, а жених — в четверг утром. Жениха сопровождали всадники, которые, по обычаю, на обратном пути, когда жених возвращался с реки после совершения «миквы», устраивали скачки. На лбу лошади всадника, прискакавшего первым к дому жениха, торжественно разбивали сырое яйцо, а победителю вручали приз — шелковый платок, вышитый невестой. Считалось, что эта почетная награда сулит ее владельцу удачу.

Во второй половине дня к дому невесты направлялся свадебный поезд; жениха сопровождали друзья, родственники; женщины на «табагах» несли невесте «гидишменди» (фрукты, сладости, жареных кур, а также отрезы на платье, платки, ювелирные украшения; наши информаторы особо подчеркивали, что нельзя было дарить золотые сережки, затрудняясь объяснить причину подобного запрета); все пели, танцевали, веселились. Процессию сопровождали музыканты, играли на зурне, бубне.

Когда свадебный поезд подходил к дому невесты, раздавались громкие возгласы, стреляли из ружья. Невеста плакала, прощаясь с родным домом. Из комнаты она выходила вместе с «согдуши», которые вели ее за руки, еще одна подруга шла сзади с горящей свечой. Родственницы «арус» и ее подруги пели прощальные обрядовые песни. Вслед за невестой одна из ее родственниц выливала из таза чистую воду с пожеланием счастья и благополучия.

Родственники невесты выносили балдахин («хупо»), держа его на четырех палках. С зажженными свечами, в сопровождении музыкантов, торжественная процессия направлялась к синагоге («нимаз»).

Под «хупо», кроме жениха и невесты, допускались только близкие родственники с обеих сторон; сам «хупо» держали друзья жениха.

Когда свадебный поезд двигался по улицам поселка, его сопровождали многочисленные зрители праздничного торжества, жители «диг» (поселка). Мужчины, имевшие дочерей, старались подтолкнуть свою дочь под балдахин, особенно ту, которая засиделась в невестах; существовало поверье, что это поможет девушке быстрее выйти замуж.

Сам обряд венчания проходил во дворе «нимазы». Раввину подносили полный стакан вина (или рюмку водки), он произносил венчальную молитву и передавал стакан жениху, который должен был немного пригубить из него, а затем передать его невесте, которая проделывала то же самое, после чего возвращала стакан раввину. Затем жених надевал невесте обручальное кольцо на палец или клал ей в руку серебряную монету.

В то время как проходил обряд венчания и раввин читал «борухо» (благословение), хахамы (помощники раввина, синагогальные служки) составляли опись приданого невесты, состоявшего из постельных принадлежностей (подушки, одеяла, матрацы), посуды (медная и гончарная), бытовой утвари и т. д. Количество и качество приданого зависело от материальных возможностей родителей невесты.

Все это записывалось в рядную — брачное свидетельство («кэтибо»), которое составлялось в трех экземплярах, причем один оставался у раввина, другой — у жениха, а последний отдавался невесте. «Кэтибо» читал сам раввин, сразу после «борухо».

В «кэтибо», читавшейся в нальчикской горско-еврейской синагоге (в нашем распоряжении имеется этот ценный документ²⁶), указывалась точная дата (число, год, месяц) и название географического пункта («эн хори Гъэбрти... эн Нальчик» — т. е. «на земле Кабарды. в Нальчике»), где проходило венчание; назывались имена вступающих в брак (например, «Амал кук [сын] Бениамин» и «Роза духтер [дочь] Симха»). В «кэтибо», как мы уже указывали выше, давалась опись приданого невесты, а также «гидишменди», которые жених преподнес «арус», причем особо оговаривалось, что подаренное невесте (т. е. все, что было записано на ее имя в «кэтибо») является исключительно ее собственностью, более того, жених даже не имел права прикасаться к ее вещам. Здесь же указывалось, какую сумму должен был уплатить

жених невесте в случае развода (помимо того, что все имущество невесты оставалось у нее).

После чтения «кэтибо» раввин опять произносил «борухо», а затем подавал стакан вина невесте. Та должна была немного пригубить и передать стакан жениху. «Думор» выпивал стакан полностью, а затем должен был бросить его на землю и раздавить ногой. Наши информаторы так толкуют этот обычай: еврей никогда не должен забывать о великом несчастье, постигшем его народ (имеется в виду разрушение священного храма и изгнание евреев из «земли обетованной»), и поэтому даже в минуты самого большого веселья и радостных событий он пьет «горькую» (т. е. вино или водку).

После венчания с песнями, танцами свадебная процессия направлялась к дому жениха. Во дворе родителей «думор» жениха и невесту обсыпали рисом («дуне»), конфетами, мелкими монетками (с тем чтобы у них все было в достатке); а также мукой, зернами пшеницы и ячменя (магия плодородия) — с пожеланием молодым иметь много детей. Одна из женщин — родственниц жениха подавала невесте тарелку с медом. Невеста опускала указательный палец правой руки в мед и затем давала попробовать «асель» (мед) с пальца жениху; то же самое проделывали отец и мать жениха, и в последнюю очередь женщина, державшая тарелку с медом.

Медом обмазывалась притолока входной двери, для того чтобы жизнь молодых была такой же сладкой, как «асель». При входе в дом невеста должна была перешагнуть через кусок железа, лежавший на пороге комнаты (в этом виделся залог счастья и здоровья молодоженов).

Перед вечерним пиршеством гости преподносили молодым подарки («шермеку»). Процесс одаривания происходил следующим образом: один из родственников жениха держал поднос, на который дарящие клали деньги; сумма зависела от степени родства (по отношению к какой-либо из сторон, устроивавших свадебное торжество) дающего «шермеку».

Количество и ассортимент подаваемых на свадебный стол блюд были достаточно разнообразными. Так, к столу подавались пельмени («курзе»), голубцы («дурма»), жареная курица («керг»), плот («ош»), конфеты, сладости и т. д.; в качестве напитков — вино («шороб»), водка («араги»).

Обязательным на свадьбе являлся танец в исполнении невесты. Первыми ее приглашали танцевать либо отец, либо брат жениха. Затем с невестой танцевали все желающие;

после танца партнер давал ей деньги или серебряные монеты, которые она вручала музыкантам.

Когда свадебный ужин еще продолжался, невесту отводили в ее спальню, где уже была приготовлена постель. Ее стелили две замужние женщины: одна из них была родственницей жениха, а другая — невесты. Подруги «арус» с большой тщательностью одевали ее для первой брачной ночи; все пуговицы, все узлы на одежде должны были быть накрепко завязаны. Когда около полуночи жених направлялся в спальню, его друзья и подруги невесты подшучивали над ним, говоря, что у него не хватит умения развязать все эти сложные узлы. В первую брачную ночь жених старался положить свою одежду поверх одежды невесты. Наши информаторы подчеркивают, что в таком случае жених, как считалось, будет верховодить в доме.

Перед тем как войти к невесте, жених, по обычаю, заходил к своему отцу и становился на колени, прося у него прощения.

В то же время накрывался стол для «гуда» — свидетелей невинности невесты; это были, как правило, незамужние женщины, вдовы. Если невеста доказывала свою невинность (про такую девушку говорили, что она является «духтер хуне», буквально «домашняя дочь»), то «гуда» могли приступить к трапезе, их щедро угощали; если же случалось обратное, то «гуда» прогоняли со свадьбы, обсыпая их проклятиями.

В обязанности «гуда» входило еще и следующее условие: нужно было внимательно следить за гостями, чтобы никто из них не завязал где-нибудь узел («энгюл»). По поверью, путем заклинания можно было помешать сближению жениха и невесты в брачную ночь. Для этого достаточно было завязать несколько узлов на платке или какой-либо веревке в тот самый момент, когда молодые уходили в свою спальню. Верили, что пока узлы не будут развязаны, жених не сможет соединиться с невестой.

Через некоторое время жених выходил из спальни (все это время у дверей комнаты стоял друг жениха, «бирор-думор»), и к невесте входили «энге». Как правило, это была уважаемая супружеская пара, люди довольно пожилые. Выносился окровавленный платок — свидетельство невинности девушки. Этот платок родственники и друзья жениха несли отцу невесты, и тот щедро одаривал их, выкупая платок.

После этого торжество вспыхивало с новой силой, но ненадолго. Вскоре гости расходились по домам, оставались в ос-

новном молодые люди, друзья жениха и невесты, ели, пили и веселились до утра. Родители жениха благодарили гостей за участие в свадебном торжестве и прощались с ними.

Как сообщают наши информаторы, если девушка не могла доказать свою невинность, то свадебное торжество немедленно прекращалось. Невесте отрезали косу, одевали в мужское платье, сажали на ишака лицом к хвосту и с позором отправляли в дом родителей. Жених имел право потребовать у родителей невесты вернуть ему обратно уплаченный за нее «хублари»; саму девушку отец ее или брат убивали на пороге дома, а если и сохраняли ей жизнь, то она жила в родительском доме на положении бесправного человека, презираемого всеми — и близкими людьми, и членами общины.

Однако, как подчеркивают наши старейшие информаторы, сами они подобных случаев не помнят, а слышали о них от своих отцов или дедов.

Продолжительность свадьбы (от 4—5 до 8—10 дней) зависела от материальных возможностей сторон, устраивавших свадебное торжество. После окончания «арси» молодая супружеская пара, наконец, получала свободу в семейной жизни, так как до этого жених жил у себя в комнате, а с невестой находились ее сестры и мать жениха.

Наши полевые материалы свидетельствуют о том, что значительное число заключаемых ныне нальчикской горско-еврейской молодежи браков составляют браки по их собственному выбору. В подавляющем большинстве случаев молодые люди еще до вступления в брак имеют возможность свободно общаться друг с другом, и лишь потом юноша объявляет родителям о своем решении. Если девушку сватают из горско-еврейской общины другого города, то в дом родителей невесты на смотрины едет кто-либо из родственников жениха (как правило, это замужняя женщина в годах).

Сватать девушку направляются родители жениха, сам «думор» и его родственники. В дом родителей «арус» приглашаются несколько близких родственников со стороны невесты. Одна из родственниц жениха заранее оповещает родителей невесты о предстоящем визите, однако родители по традиции делают вид, что не знали о приходе сватов. Пока стороны не придут к положительному решению, стол не накрывается, более того, сваты не имеют права выпить даже стакана воды. Если девушка согласна выйти замуж за молодого человека (об этом она заранее оповещает родителей, а те, в свою очередь, объявляют об этом делегации

жениха), то на стол подается праздничный ужин и стороны договариваются о сроках «тоноя».

В день заключения обручения в дом невесты направляются родители жениха и его родственники. Женщины несут на «табагах» фрукты, сладости, мед, спиртные напитки и т. д. Во время торжественного ужина родственники жениха надевают обручальное кольцо невесте, после чего приглашают жениха в дом. Родители невесты преподносят подарки жениху (рубашку, золотой перстень, часы и т. д.), а также членам его семьи.

После «тоноя» жених и невеста могут встречаться в домашней обстановке, вместе ходить в гости, на свадебные торжества, вечеринки и т. д. Хозяева дома, которые приглашают к себе в гости обрученных, должны преподнести им подарок.

Довольно редко, но бывает, когда по тем или иным причинам союз распадается; в этом случае стороны возвращают друг другу все сделанные ранее подарки.

Через месяц после обручения справляется свадьба; иногда временной промежуток между «тоном» и «арси» увеличивается до нескольких месяцев и даже лет ввиду каких-либо объективных причин (смерть кого-либо из родственников будущих супругов, несчастный случай, происшедший с кем-либо из близких, и т. д.). Накануне свадьбы родственники жениха приносят невесте многочисленные подарки — одежду, обувь, ювелирные украшения и т. д. Одна из родственниц со стороны жениха показывает все «гидишменди», каждый в отдельности, невесте и ее родственникам. «Гидишменди», так же как и приданое невесты (мебель, посуда, постельное белье, платья, туфли и т. д.), описывается в «кэтибо» и в случае развода возвращается ей (из приданого невеста дарит лишь полотенце или простыню свекрови на следующий день после свадьбы).

В настоящее время «кэтибо» составляют в двух экземплярах (один остается у невесты, другой — у жениха). При составлении «кэтибо» присутствуют старшие родственники со стороны жениха и невесты; после окончания процедуры составления рядной они ставят свои подписи на обоих экземплярах брачного свидетельства.

Обычно свадьбы играют в выходные дни — субботу и воскресенье. В первый вечер свадебное торжество проходит в доме невесты. К невесте направляется свадебный поезд — жених, его родственники, друзья. Женщины на «табагах» не-

сут фрукты, халву, мед, сладости, жареных кур, спиртные напитки и т. д. По дороге все поют песни, танцуют; звучит музыка, дети несут зажженные свечи. Весь вечер в доме невесты гости танцуют, веселятся, поздравляют молодых. В этот день невеста остается дома.

На следующий день свадебный поезд, в том же составе, что и накануне, направляется за невестой. В дом «арус» приглашают раввина; из «нимазы» приносят «хупо», и раввин благословляет молодых. Свадебная процессия после «борухо» отправляется в дом жениха. Во дворе дома «думор» молодых, так же как и раньше, обсыпают мукой, конфетами, рисом и т. д.; подают невесте тарелку с медом — совершается описанный нами выше магический обряд, связанный с «асель». Одна из родственниц жениха проводит невесту по всем комнатам дома жениха, как бы знакомя ее с домом, в котором ей теперь предстоит жить.

Затем на машинах новобрачные в сопровождении родственников и друзей, вместе с многочисленными приглашенными гостями, направляются в загс, где происходит гражданская регистрация брака. После этого свадебная процессия отправляется к вечному огню, где молодые возлагают цветы к памятнику Неизвестному солдату. Эта прекрасная традиция является неизменным атрибутом современного свадебного торжества.

После завершения всех необходимых церемоний свадебный кортеж прибывает в дом жениха, где уже накрыты свадебные столы. На торжественный свадебный ужин хозяева приглашают музыкантов — бубниста, гармониста, зурниста, которые исполняют национальные мелодии. Интересно, что сами хозяева музыкантам денег не платят. Мужчина, приглашающий женщину танцевать, дает ей деньги, которые в продолжение всего танца она держит в руках, а по окончании его — отдает музыкантам. С невестой может танцевать любой желающий мужчина; жених же имеет право танцевать только с невестой.

Требование целомудрия невесты остается неизменным; сохранение обряд выноса окровавленного платка — символа невинности невесты, обряд выкупа платка отцом невесты — иногда с этим платком отец танцует, и т. д. После исполнения этого обряда свадебное торжество вскоре прекращается, и гости расходятся по домам.

По окончании свадебного ужина гости преподносят «шермеку», которые отдают матери жениха; наиболее значитель-

ные суммы преподносят, естественно, близкие родственники жениха и невесты. Процесс одаривания происходит в настоящее время несколько иначе, чем это было раньше. Кто-либо из родственников или родственниц жениха сидит за одним из столов со списком приглашенных; после того как гость преподносит «шермеку», записывающий громко называет фамилию дарящего и сумму, которую он преподнес, а также записывает эти данные в лежащий перед ним список.

Отметим значительное сужение круга одариваемых и одаривающих, что, впрочем, характерно для многих народов бывшего Союза²⁷

Если раньше молодая женщина в течение трех-четырех месяцев после свадьбы не имела права выходить из дому и снимать платок с лица, и этого обычая неукоснительно придерживались, то в настоящее время он совершенно исчез, и молодая жена практически на следующий день после свадьбы включается в хозяйственную жизнь семьи.

§ 6. Обряды, связанные с рождением и воспитанием детей

Обычаи и обряды, связанные с периодом беременности и рождением ребенка, являются важной составной частью детского цикла традиционной бытовой культуры этноса.

Женщина, имевшая много детей, пользовалась большим уважением у горских евреев; рождение первого ребенка значительно укрепляло ее положение в семье мужа²⁸. Если женщина в течение продолжительного времени не могла забеременеть, верили, что в этом виноваты «нечистые силы». Для изгнания их прибегали к помощи различных магических средств, обращались к знахаркам; приглашали домой раввина, который обходил жилые помещения «хуне», произнося молитвы.

Беременная женщина у нальчикских горских евреев пользовалась большим почетом и уважением, любое ее желание по возможности исполнялось. Прерывание беременности искусственным путем считалось большим грехом и осуждалось общиной.

По традиции беременная женщина, для того чтобы ребенок родился здоровым и красивым, должна была соблюдать ряд строгих запретов. Так, ей следовало остерегаться

встреч с людьми, обладавшими какими-либо физическими недостатками (хромыми, слепыми и т. д.), ей не рекомендовалось ходить на похороны, брать что-либо из рук человека, пользовавшегося дурной репутацией (считали, что в таком случае ребенок будет похож на этого человека), и т. д.

Строго следили за тем, чтобы кто-либо из приходивших в дом, в котором проживала беременная женщина, не оставил «холмочи» («заговоренная» вещь).

Старушки знахарки за определенную плату занимались ворожбой (т. е. «делали холмочи»); в качестве «холмочи» использовали небольшую вещь (иглу, маленькие ножницы, нитки и т. д.), которую прятали в одной из комнат дома, где проживала роженица. Поэтому, если ей становилось плохо, то она, ее свекровь, золовки искали «холмочи» и, найдя, выбрасывали его.

Если женщина, выйдя из бани («миква»), по дороге домой встречала на своем пути какое-либо животное (лошадь, ишака и т. д.), то она должна была вернуться обратно в баню и опять искупаться; подобная встреча, по представлениям горских евреев, могла привести к тому, что ребенок родится болезненным и некрасивым и будет похож на встречное животное. «Горские еврейки думают,— пишет И. Ш. Анисимов,— что у них непременно родится дитя, которое будет иметь вид того человека или животного, которого встретили они сейчас после «омовения». Рассказывают, что многие женщины встречали змею, корову и рождали детей, имеющих подобие этих животных»; поэтому женщины, отправляясь в «микву», брали с собой маленького мальчика, чтобы он стоял возле бани, ожидая женщину, а затем шел ей навстречу. Анисимов подчеркивал, что «выбирая кого-либо из своих или чужих детей для встречи, еврейка заботится, во-первых, чтобы он был мальчик, так как девочки не особенно ценятся и считаются чужим добром, и во-вторых,— чтобы он был красивый»²⁹

В течение всего срока беременности женщина не должна была срезать волосы, т. к. считалось, что в этом случае она могла заболеть.

Существовали также и некоторые пищевые запреты. Так, женщине не советовали есть соленую пищу, чеснок, перец (чтобы роды были легкими), ей категорически запрещалось употреблять спиртные напитки.

Горские евреи верили, что по некоторым приметам можно определить пол будущего ребенка. Так, если беременная

женщина видела во сне волка («гюрг»), считали, что у нее родится мальчик, а если лягушку («бакка») — то девочка. Молозиво беременной женщины наливали в стакан с водой, и если оно всплывало на поверхность, должна была родиться девочка, если же нет — мальчик. Если беременная чувствовала себя слабой с первого месяца беременности — должен был родиться мальчик, если же слабость наступала в последние месяцы — то девочка. Если живот женщины имел плоский вид, ждали мальчика, а если острый — девочку. Если женщина чувствовала сильное движение плода, то говорили, что так беспокойно может вести себя только мальчик; если наблюдалось обратное, считали, что родится девочка.

Беременная женщина продолжала выполнять свои домашние обязанности, много работала; ей советовали больше двигаться, чтобы ребенок родился здоровым. Муж роженицы обязан был ухаживать за ней, оказывать ей всяческую помощь, оберегать от особо трудоемких работ, выполняя их вместо нее. Во время самих родов муж не должен был находиться дома, поэтому он отправлялся к кому-либо из родственников.

Рождение мальчика традиционно воспринималось с большой радостью, а появление на свет девочки считалось несчастьем. Недаром самым распространенным обращением к молодым на свадьбе (как, впрочем, и в настоящее время) было пожелание им иметь много сыновей.

Сохранилась песня, в которой муж, обращаясь к жене, говорит:

О, если ты родишь мне сына, жена,
Ты осчастливишь меня!
Душа моя загорится радостью небесной,
Я омою слезами счастья
Ложе твоего страданья.
Высоко до звезд небесных,
Глубоко до кораллов в море,
Но я все достану для тебя.
Если же ты родишь мне дочь,—
Лучше бы я сам тогда не родился на свет:
Душа моя затуманится грустью,
И ночь будет в моем сердце³⁰

Рождение ребенка у горских евреев сопровождалось различными обрядами и действиями магического характера, помогавшими роженице разрешиться от бремени. Для защиты роженицы от злых духов у изголовья ее постели клали

металлические предметы. Когда женщина чувствовала приближение родов, в дом приглашали профессиональную повитуху («момой»). Рожала горская еврейка или стоя, или сидя на коленях, а иногда лежа на земле. Если роды были трудными, то одну из женщин посылали на кладбище, чтобы она принесла горсть земли с могилы покойника (какого именно, указывала повитуха). Эту землю смешивали с водой и давали роженице. Если же и это средство не помогало, муж роженицы приглашал синагогальных служек, которые читали молитвы и просили Бога помочь страдающей.

Трудные роды горские евреи объясняли вмешательством «нечистых сил», для защиты от них применяли различные обереги. Так, когда женщина чувствовала приближение родов, одна из ее родственниц вешала на дверь комнаты, где лежала роженица, кусок белой материи; считалось, что «нечистые силы» боятся белого цвета.

Оберег («хейкель») представлял из себя кусок белого полотна; бязи или другой белой материи, который вешали на дверь так, чтобы его было видно с той и другой стороны. Этот кусок оставался на двери до тех пор, пока роженица не вставала с постели, а затем его дарили «момой». Во время самого акта рождения в доме находились женщины (из числа родственниц роженицы), которые приносили будущей матери в больших чашках и тарелках, покрытых платками, муку, крупу, яйца, чеснок и т. д. Все это отдавалось затем «момой».

Тело родившегося ребенка «момой» сначала обсыпала солью (верили, что это поможет ребенку стать крепким и здоровым), а затем обмывала и пеленала его; ей помогали женщины, находившиеся в комнате. «Момой» смазывала рот новорожденного медом и маслом, чтобы, по поверью, жизнь младенца была счастливой и всего у него было в достатке. Роженице сразу после родов давали выпить стакан шербета (сладкого напитка).

Прежде чем вылить воду, в которой купали ребенка, «момой» брала ее в ладони и опрыскивала ею все четыре стены комнаты.

Как до родов, так и после них роженицу не оставляли одну без присмотра, чтобы злые духи не причинили ей вреда. Среди них самым опасным считалось божество «Дедей-ов» (дословно «Мать-вода»). По народным преданиям, «Дедей-ов» имела облик красивой женщины, одежду ей заменя-

длинные пышные черные волосы, спадающие до пят. Чтобы обмануть роженицу и войти к ней в доверие, «Дедей-ов» принимала облик одной из ее близких родственниц. Она приближалась к роженице, вынимала ее внутренности (печень, сердце, легкие и т. д.), после чего направлялась к реке, где полоскала, а затем и проглатывала их. В ту же минуту роженица умирала.

Спасть от «Дедей-ов» можно было лишь в том случае, если мужчина, вооруженный кинжалом, незаметно приблизится к ней и, схватив ее за волосы, возьмет с нее клятву, что она никогда не посмеет обмануть женщин его рода, а затем отрежет у нее часть косы. Эти волосы следовало хранить затем дома в виде оберега.

Если рождался мальчик, то «момой» спешила поздравить отца ребенка, и тот щедро одаривал ее за «бешереи» (радостную весть). В тот же день счастливый отец собирал у себя дома родственников и знакомых, устраивая праздничное угощение.

При отсутствии материнского молока ребенка давали кормить близкой родственнице. На третий день после рождения младенца укладывали в колыбель; в изголовье ее зажигали свечи, а на столе, который находился в комнате, где лежал новорожденный, ставили стаканы с водой, вином, клали рядом нож, топор, железные монеты, привязывали к колыбели листочки бумаги с записанными на них текстами молитв (все это делалось для того, чтобы злые духи не навредили младенцу).

На восьмой день после рождения мальчика проводился «мило» (обряд обрезания); совершался он преимущественно в синагоге (реже во дворе того дома, где родился мальчик). Новорожденного держал на подушке (лежавшей у него на руках) «отец по обрезанию» (т. е. крестный); раввин производил операцию обрезания, а настоящий отец читал в это время молитву. «Операцию обрезания,—пишет И. Ш. Анисимов,—делает раввин или резник и почти всегда очень искусно. Рану обмывают ртом, набирая в него уксусу, и посыпают обожженной шерстью и порошком из особой обожженной глины. Через три-четыре дня рана заживает, и ребенок делается здоровым»³¹.

После «мило» прямо во дворе синагоги накрывались столы, и отец ребенка угощал всех присутствующих, одаривал их подарками. Раввин также получал щедрый подарок за свою работу.

Иначе относились горские евреи к рождению дочери. Муж, родственники и даже «момой» оставляли молодую мать без всякого внимания и не прислуживали ей.

Женщина лежала в постели после родов, как правило, до двух недель. После рождения мальчика она шла на омовение через 40 дней, а после рождения девочки—через 60 дней. Ребенка 40 дней не выносили из дому, чтобы с ним не сделалось «чуле»—«болезнь сорока». Эта болезнь, по поверью горских евреев, задерживала рост ребенка.

Одним из основных обрядов детского цикла является, как известно, обряд наречения имени новорожденному. Именник горских евреев соответствовал традиционному архаическому именному фонду всех еврейских этнографических групп (древнееврейские имена; имена, связанные с предметами и явлениями окружающей среды; имена, представляющие характеристику личных качеств человека и т. д.); строго придерживались горские евреи обычая (не регламентированного, однако, религиозными предписаниями) почитания памяти умершего предка путем передачи его имени потомку.

Естественно, что и к воспитанию детей (так же как и к самому факту рождения) родители относились дифференцированно. Девочку уже с самого рождения презирали ее отец и братья за то, что она имела несчастье родиться девочкой; ее главной обязанностью было выполнение домашних дел. В соответствии с нормами традиционного обычного права дочь беспрекословно подчинялась воле отца и старших братьев, она даже не смела разговаривать с ними.

Мальчики, чуть повзрослев, переходили под опеку отца, старших братьев, а также дедушки («келебебе»), которые привлекали их к труду, заботились об их физическом, умственном и религиозном воспитании. В свою очередь, девочки начиная с 7—8 лет помогали матери в выполнении домашних обязанностей, исполняя посильную работу; ухаживали за малолетними братьями и сестрами.

Собранные нами материалы свидетельствуют о том, что в настоящее время среди нальчикских горских евреев произошли значительные изменения в отношении обрядов, связанных с рождением и воспитанием ребенка. Несмотря на это, многие традиционные элементы детского цикла, правда в сильно трансформированном виде, сохраняются и в последние годы.

Так, наиболее архаические обряды, связанные с рождением ребенка, исчезли в связи с тем, что в настоящее время

женщины рожают в родильных домах и лишь в исключительных случаях дома, куда приглашают врача или акушерку. Рождение ребенка (независимо от его пола) встречается в семье с большой радостью. Мать с новорожденным возвращается из роддома в дом мужа, причем забирает ее из роддома, как правило, сам муж, что свидетельствует о совершенном исчезновении послесвадебных форм избегания между мужем и женой.

В случае рождения мальчика родители устраивают торжественный ужин. Отец, как и раньше, одаривает человека, первым сообщившего ему о рождении сына. Близкие родственники, знакомые семьи, приходя в гости к родителям новорожденного, приносят младенцу подарки. Если родители, в свою очередь, являются вместе с ребенком в гости к кому-либо из друзей, знакомых, родственников, те также преподносят младенцу подарок.

Неизменным остается обряд «милос», проходящий в настоящее время в менее торжественной обстановке, чем это было раньше. Отец ребенка приглашает родственников и друзей к себе домой и накрывает по поводу «милос» праздничный стол. Иногда на это торжество приглашают и музыкантов. По окончании праздника гости вручают отцу ребенка определенную денежную сумму.

Как свидетельствуют наши полевые материалы, практически исчезли традиционные запреты во взаимоотношениях между родителями и детьми.

Большое внимание в современной нальчикской горско-еврейской семье, как и прежде, обращается на трудовое воспитание детей. Мальчики оказывают посильную помощь отцу в выполнении наиболее трудоемких работ; девочки присматривают за малолетними братьями и сестрами, помогают матери в приготовлении пищи, стирке и починке белья, уборке, различных незначительных работах по дому и т. д.

Значительное внимание уделяется также учебе детей. Родители обеспечивают школьников всем необходимым для подготовки к занятиям, следят за тем, чтобы дети вовремя готовили уроки, и т. д. Особо следует сказать об эстетическом воспитании нальчикских горско-еврейских детей. Многие родители покупают своим детям музыкальные инструменты, стараются дать своим детям музыкальное образование.

Воспитанием детей занимаются не только родители, но также представители старшего поколения (т. к. многие родители заняты в общественном производстве). Незменной

остается передача имени от бабушки (отца мужа) к внуку и от бабушки (матери мужа) к внучке, так что горско-еврейский именник остается достаточно традиционным. Стоит, однако, отметить, что в последние годы у молодежи и детей входит в моду практика заимствования имен из русского и западноевропейского антропонимикона.

Из поколения в поколение передается у горских евреев такая прекрасная черта кавказского этикета, как уважение к старшим и родителям. Хотя бытовая сегрегация полов в настоящее время отошла в прошлое, тем не менее требования, предъявляемые к девочке, сохраняют ряд традиционных особенностей, в силу чего наблюдается сохранение некоторых наиболее архаичных правил поведения.

§ 7. Похоронные обряды

Общеизвестно, что наиболее консервативной частью обрядовой жизни семьи является погребально-поминальный цикл. Это утверждение в полной мере относится и к нальчикским горским евреям.

Когда кто-либо умирал, это воспринималось всеми как нечто чрезвычайно важное. Буквально в течение нескольких часов дом умершего наполнялся людьми. Приходили не только родственники и близкие покойного, но и абсолютно незнакомые люди—все спешили отдать покойному последний долг. Причем нередко останавливалась работа—торговцы запирали лавки, ремесленники бросали свои дела.

В комнату, где лежал умерший, заходили в основном женщины, совершавшие траурный плач («ясс»). Были среди них и профессиональные плакальщицы, которые специально приглашались для оплакивания покойников. Они издавали душераздирающие крики, царапали себе лицо, рвали волосы на голове. Мужчины в это время находились во дворе. Так продолжалось несколько часов. Затем покойника с постели переносили во двор, где клали на землю (если смерть случалась в холодную пору, то его клали в комнате на пол). Зажигали свечи, раввин читал молитвы и псалмы, чтобы успокоить душу умершего.

Обмыванием покойника занимались мужчины, а женщины шили умершему одежду из тонкого холста: рубашку, штаны, перчатки, ермолку. Поверх всего на него надевался саван.

Естественно, женщину обмывали женщины. Умершего насильственной, а не естественной смертью сразу же заворачивали в саван, не надевая предварительно новую одежду. Обмывание происходило во дворе, в специально устроенной палатке.

Когда покойник был готов к погребению, его укладывали на носилки, и под громкий плач женщин траурная процессия двигалась к кладбищу. На полпути женщины возвращались обратно (они не имели права присутствовать на кладбище). В могилу покойника помещали головой к востоку. Перед погребением раввин читал заупокойную молитву—«кадыш» (она читалась на арамейском языке).

Тело клали в могилу без гроба, но могила устилалась с боков и сверху досками. Под голову покойника клали подушку. Могилу засыпали все присутствующие, причем каждый старался бросить хотя бы одну горсть земли. При выходе с кладбища провожавшие в последний путь покойника рвали траву, бросая ее через плечо и приговаривая при этом: «Да не будет больше смерти!»

Целую неделю после похорон дом усопшего был полон людей. Мужчины сидели в комнате, где лежал покойник, женщины — на женской половине. Неделя эта называлась у нальчикских горских евреев «овиль». По поверью, в продолжение целой недели душа покойного не может смириться с мыслью, что она лишилась своего жилища, и все это время посещает тот дом, в котором жила. Поэтому в углу той комнаты, где лежал покойник, родственники ставили зажженную свечу, которая горела целую неделю. В течение этой недели справлялись поминки.

Родственники покойного носили траур в течение года. Кроме того, им не полагалось посещать свадебные торжества, «мило», «гомуну», другого рода праздники. Через месяц справлялся «сеим» — поминки по умершему. На могиле ставили памятник, на котором указывались даты рождения и смерти усопшего и перечислялись его заслуги.

Обычно памятник ставился сразу после «сеим», однако время его установки зависело от материальных возможностей семьи покойного.

Интересно, что если умерший погиб насильственной смертью или утонул в реке и его тело не было найдено и погребено в соответствии с религиозными предписаниями, вдова не могла вторично выйти замуж.

В настоящее время похоронно-поминальная обрядность у

нальчикских горских евреев, так же как и многие стороны их семейной обрядности, претерпела значительные изменения, хотя и сохраняет многие традиционные моменты. Отличительными чертами похоронно-поминального цикла горских евреев являются широкий общественный характер похорон, бытование своеобразных, глубоко архаичных обычаев и обрядов, восходящих к традиционному иудейскому похоронно-поминальному ритуалу, а также таких, которые возникли в результате многовековых этнокультурных контактов с кавказскими автохтонными народами.

В случае смерти кого-либо семья покойного сразу оповещает об этом близких родственников. В первую же ночь в комнате, где лежит покойный, зажигают свечи; всю ночь в комнате находится кто-либо из близких умершего (родной брат, родственник жены и т. д.). Родственники оказывают членам семьи покойного помощь (в том числе и материальную) в устройстве похорон, поминальной трапезы.

В течение дня, предшествующего собственно похоронам, в дом семьи покойного приходят люди (родственники, знакомые, соседи, товарищи по работе и т. д.), чтобы выразить свое соболезнование; приезжают родственники, живущие вне пределов города.

Заказывается гроб; на кладбище выезжают мужчины, чтобы наметить место, на котором намереваются похоронить умершего (на нальчикском городском кладбище имеется отдельный, так называемый еврейский участок), и нанимают могильщиков.

Близкие обмывают покойного, бреют ему бороду; одежду, в которую умерший был одет в момент смерти, рвут и выбрасывают, а ему надевают чистую рубашку, брюки, пиджак, носки, туфли (если это женщина — то новое платье, чулки, обувь). Довольно часто, по желанию членов семьи покойного, его по традиции заворачивают в саван.

Хотя в настоящее время у нальчикских горских евреев отсутствуют профессиональные плакальщицы, тем не менее обряд оплакивания остается обязательным. Оплакивают («ясс сохтени») умершего в основном женщины преклонного возраста, весь день накануне похорон находящиеся в одной комнате с покойным. Самостояние, бывшее отличительной чертой данного обряда, заключается в настоящее время в том, что женщины царапают себе щеки ногтями до крови, бьют по лицу ладонями, вырывают волосы, рвут на себе одежду и т. д.

Похороны обычно бывают на второй-третий день и, как правило, очень многолюдны. Приходящие проводить покойного в последний путь оказывают семье умершего помощь деньгами; один из родственников записывает в специальный список, кто и какую сумму внес. Чаще всего деньги отдаются после похорон, в конце первого поминального дня.

Перед выносом гроба из дома во двор женщины громко голосят и плачут; покойника выносят из комнаты головой вперед. Некоторое время гроб находится во дворе, а затем его несут к катафалку. Мужчины, несущие гроб (как и вообще все присутствующие на похоронах мужчины), обязательно должны быть в головном уборе.

Гроб несут родственники покойного (кроме его сыновей) и его близкие друзья, сменяя друг друга. На кладбище в настоящее время вместе с мужчинами присутствуют и женщины. Как и раньше, на кладбище приглашают раввина, который читает по умершему «кадыш». Могилу засыпают только мужчины, причем каждый, закончив свою часть работы, кладет лопату на землю, откуда ее берет следующий, ждущий своей очереди мужчина; как указывают наши информаторы, передавать лопату из рук в руки по обычаю нельзя.

По нашим наблюдениям, если покойный являлся горским евреем, а жена — иной национальности, то, как правило, раввина не приглашают.

После похорон устраивается поминальная трапеза. Прежде чем приступить к ней, каждый вернувшийся с кладбища моет руки. Надо отметить, что после возвращения домой присутствовавший на поминках не переступит порог своего собственного дома, пока ему не принесут стакан воды, которую льют ему на ладони, после чего он оmyвает и лицо.

Число поминальных дней осталось прежним: первый устраивается в день похорон, сразу после погребения. Хотя особых поминальных блюд не готовится, поминальный стол отличается большим разнообразием: подают рыбу, мясные блюда, кладут на стол овощи, фрукты, конфеты, печенье и т. д. В последние годы раввины запрещают выставлять на поминальный стол спиртные напитки, этот запрет строго соблюдается (ранее подобного запрета не было).

На первые поминки собирается очень много людей, которые сменяют друг друга за столом несколько раз. Обычно сначала за стол садятся мужчины, затем женщины; когда подходит последняя группа пришедших на поминки, тогда

мужчины и женщины садятся по разным концам стола, а иногда и попеременно.

Следующие поминки устраиваются на седьмой день («хафтум»), тридцатый день («сеим») и через одиннадцать месяцев («язда меги»). Мужчины — родственники покойного держат траур в продолжение месяца; выражается это в том, что в течение этого времени они не бреют бороды и сбрасывают ее только после «сеима». Близкие женщины — родственницы покойного снимают траур после «язда меги».

Хотя родственники оказывают семье покойного определенную материальную помощь, основные расходы по похоронам делает семья умершего. В течение некоторого времени после похорон (как правило, не ранее чем через год) родные покойного ставят ему на могилу памятник.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Философский словарь. М.: Политиздат, 1983. С. 60.

² Смирнова Я. С. Указ. соч. С. 268.

³ Свидерский П. Ф. Указ. соч. С. 50; Леви Г. Указ. соч.

⁴ Ихиллов М. М. Горские евреи//Народы Кавказа. С. 557.

⁵ ЦГА СССР, ф. 12, оп. 1, д. 769, лл. 41, 85.

⁶ Анисимов И. Ш. Указ. соч. С. 19.

⁷ Тер-Саркисянц А. Е. Современная семья у армян. С. 108.

⁸ Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н. Межнациональные браки и их роль в этнических процессах//Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М. Наука, 1977. С. 460—483; Грищенко В. В. Факторы устойчивости национально-смешанных и однонациональных браков. Автореферат канд. дисс. М., 1989. 20 с.; Евстигнеев Ю. А. Национально-смешанные браки в Махачкале//Советская этнография, 1971, № 4, с. 80—85; Салбиева Л. Х. Межнациональный брак и семья как отражение национальных отношений нового типа. Автореферат канд. дисс. М., 1979. 26 с.; Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР М. Мысль, 1987. 144 с.; Терентьева Л. Н., Устинова М. Я. Межнациональные браки и их роль в этнических процессах (историографический очерк)//Основные направления изучения межнациональных отношений в СССР. М. Наука, 1979. С. 216—245 и т. д.

⁹ Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н. Указ. соч. С. 461.

¹⁰ Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М. Наука, 1980. С. 87.

¹¹ Евстигнеев Ю. А. Современные этнические процессы в Северном Казахстане (в аспекте динамики межнациональных браков). Автореферат канд. дисс. Л., 1977. С. 2.

¹² Сергеева Г. А., Смирнова Я. С. К вопросу о национальном самосознании городской молодежи (по данным паспортных столов отделений милиции городов Махачкалы, Орджоникидзе, Черкесска)//Советская этнография, 1971, № 4, с. 86.

- ¹³ Сусоколов А. А. Указ. соч. С. 46—47.
- ¹⁴ Гриценко В. В. Указ. соч. С. 11.
- ¹⁵ Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н. Указ. соч. С. 477—480.
- ¹⁶ Волков А. Г. Семья — объект демографии. М. Мысль, 1986. С. 130.
- ¹⁷ См. напр.: Матвеев Г. К. Советское семейное право. М. Юридическая литература, 1978. С. 102, 103.
- ¹⁸ Анисимов И. Ш. Указ. соч. С. 65.
- ¹⁹ Там же. С. 98—99.
- ²⁰ Там же. С. 130.
- ²¹ Леви Г. Указ. соч.; Ното. Указ. соч.
- ²² Вайсенберг С. А. Исторические гнезда Кавказа и Крыма (Из отчета о летней поездке 1912 г.)//Еврейская старина. СПб., 1913. Т. 6, вып. I, январь — март. С. 55.
- ²³ Кто-нибудь. Указ. соч.
- ²⁴ Анисимов И. Ш. Указ. соч. С. 94—95.
- ²⁵ Там же. С. 115.
- ²⁶ «Кэтибо» предоставлен нам раввином нальчикской горско-еврейской синагоги М. И. Гилядовым.
- ²⁷ Смирнова Я. С. Указ. соч. С. 207.
- ²⁸ Ихилон М. М. Горские евреи//Народы Дагестана. С. 234.
- ²⁹ Анисимов И. Ш. Указ. соч. С. 70.
- ³⁰ Васильев А. Т. Указ. соч.
- ³¹ Анисимов И. Ш. Указ. соч. С. 93.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное нами этнографическое исследование показывает, что хотя такие характеристики семейно-брачного института горских евреев Кабардино-Балкарии, как структура семьи, внутрисемейные отношения, возраст вступления в брак, свадебная обрядность, детский и похоронно-поминальный циклы, и в настоящее время в значительной степени определяются нормами традиционной горско-еврейской культуры, тем не менее во всех них произошли и происходят определенные изменения.

Анализ структуры семьи показал, что подавляющее большинство среди нальчикских горско-еврейских семей по численному составу в настоящее время составляют семьи из 4—5 человек (48,7⁰/₀ от общего числа исследованных нами семей), представляющие собой супружескую пару, имеющую двух-трех детей, либо также супружескую пару, но с одним-двумя детьми, и с которой проживает один или оба родителя одного из супругов (чаще мужа). По поколенному составу самую значительную группу, как свидетельствуют собранные нами материалы, составляют семьи из трех поколений (58,9⁰/₀ от общего числа семей), которые включают в себя супружескую пару (иногда одного из супругов — овдовевшего), их женатого сына и внуков, реже — обоих родителей, их обычно женатого сына и неженатых (незамужних) детей, внуков (сложная полная трехпоколенная семья). Преобладающими по родственному составу являются сложные полные трехпоколенные семьи, включающие обоих родителей, их женатых детей, внуков (37,8⁰/₀).

Показательны изменения, происшедшие у нальчикских горских евреев во внутрисемейных отношениях. Хотя в настоящее время у них главой семьи традиционно считается стар-

ший мужчина, следует учесть, что сам смысл, который вкладывается теперь в понятие «глава семьи», принципиально изменился. Практически все важные жизненные вопросы решаются главой семьи не единолично, как это было раньше, а на семейном совете. В процессе полевой работы нами выявлено немалое число семей, где главой считается муж, а общесемейная касса находится у жены, т. е. в данном случае наблюдается раздвоение функций главенства между мужем и женой. В тех немногих семьях, где главенство в семье формальное, лидерами семьи становятся представители молодого и образованного поколения.

Заметные изменения произошли и во внутрисемейных взаимоотношениях. Рост общего культурного уровня населения, а также повышение уровня образования молодежи привели к практическому исчезновению института «шерм»; некоторые его элементы, бытующие до настоящего времени у нальчикских горских евреев, соблюдаются молодыми людьми из-за уважения к представителям старшего поколения. О принципиально новом характере внутрисемейных отношений свидетельствуют и огромные положительные изменения, происшедшие в положении горско-еврейской женщины.

Собранные нами материалы показывают, что подавляющее большинство заключаемых ныне нальчикской горско-еврейской молодежью браков составляют браки по собственному выбору; как следствие этого практически единственной формой брака является брак по сватовству.

Проведенный нами анализ статистических материалов за более чем 60-летний период дает наглядное представление о динамике брачности, брачного возраста и возрастной разницы между супругами у горских евреев Кабардино-Балкарии. Так, намечавшийся в довоенные годы естественный рост числа браков был прерван войной, и лишь к середине 50-х годов был восстановлен предвоенный уровень; в 60-е годы число заключенных браков уменьшается, а в конце 60-х — начале 70-х уровень брачности в основном стабилизируется, и в 70-е годы начинается медленный, но неуклонный его рост, продолжающийся и в 80-е годы. Наблюдается тенденция к увеличению повторных браков. За период с 1927 по 1989 год средний брачный возраст мужчин повысился с 23,2 до 29,1 лет, а у женщин — с 19,1 до 22,9 лет. Отметим и такую характерную деталь, как стабильный рост в последние годы числа браков, заключаемых девушками в возрасте 18 лет и моложе.

Рассматривая динамику возрастной разницы между супругами за период с 1927 по 1989 год, мы видим, что наиболее распространенными были браки, в которых муж старше жены на 1—3 года, а также на 4—6 лет. В последние годы произошло уменьшение, а затем относительная стабилизация числа браков, в которых жена была старше мужа.

В целом за исследуемый период наблюдается неуклонный рост как абсолютного числа межнациональных браков, так и их удельного веса. Более половины всех зафиксированных этнически-смешанных браков (59,3%) заключалось нальчикскими горскими евреями с представителями восточнославянских народов (преимущественно с русскими).

Наблюдается и рост числа разводов; почти половина их (47,9%) была зарегистрирована в 1980-е годы.

Свадьба у нальчикских горских евреев в настоящее время проходит по традиционному ритуалу и включает в себя обряды досвадебного цикла (смотрины, сватовство, обручение), само свадебное торжество и послесвадебные обряды. В то же время в современной свадьбе, по сравнению с традиционной, произошли определенные изменения; наблюдается исчезновение или модификация некоторых ее элементов.

Кардинальные изменения произошли в обычаях и обрядах детского цикла. Роды сейчас происходят только в родильных домах, что способствует исчезновению различных магических обрядов, направленных на то, чтобы уберечь рожицу от злых духов. В институте воспитания детей сохраняются и получают дальнейшее развитие многие положительные моменты; особое внимание уделяется трудовому воспитанию детей, передаче из поколения в поколение такой прекрасной черты кавказского семейно-родственного этикета, какой является почтительное отношение к представителям старшего поколения, и т. д.

Наиболее традиционный характер продолжают носить обряды похоронно-поминального цикла, хотя и в них происходят определенные изменения.

Подводя итоги исследования, мы приходим к выводу: для нальчикской горско-еврейской семьи в настоящее время в целом характерны те же основные тенденции развития, что и для других народов нашей страны. Они заключаются в определенном изменении структуры семьи, в частности, в снижении численности ее и рождаемости, в демократизации внутрисемейных отношений, а также в росте числа межэтнических браков и разводов, увеличении среднего брачного возраста.

В то же время наблюдается и тенденция к сохранению некоторых традиционных черт семейного быта, которые проявляются в свадебной обрядности, внутрисемейных отношениях, системе воспитания детей, нормах традиционного семейно-родственного этикета.

Как и у многих этносов, проживающих в современном городе в условиях компактного иноэтничного окружения, у нальчикских горских евреев этническая специфика перемещается из сферы материальной культуры в сферу духовной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. СТРУКТУРА СЕМЬИ	14
§ 1. Численный и поколенный состав	14
§ 2. Родственный состав	20
§ 3. Главенство в семье	24
§ 4. Семейные отношения	27
ГЛАВА II. БРАК И СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ	36
§ 1. Формы брака	36
§ 2. Динамика брачного возраста	40
§ 3. Межнациональные браки	58
§ 4. Разводы	65
§ 5. Свадебные обряды	71
§ 6. Обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка	86
§ 7. Похоронные обряды	93
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	99

Зак. 336

Объем 6,5 п. л.

Тир. 200

Типография УД Президента России
123007, Москва, 2-й Магистральный туп., 7а

